

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Рудакова Елена
Ба

Елена Рудакова

Ба

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Рудакова Е. О.

Ба / Е. О. Рудакова — «ЛитРес: Самиздат», 2017

ISBN 978-5-532-94801-3

В старом деревенском доме Илона находит древнюю книгу, принадлежавшую её много раз "пра-" бабушке. Станным образом начав общаться с родственницей, которую Илона называет Ба, она узнаёт о нелёгкой жизни крепостной крестьянки XIX века и решает дать ей второй шанс - шанс прожить жизнь заново. Но правда ли Ба существует? Изображение на обложке: Photo by rawpixel from Pexels. Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-532-94801-3

© Рудакова Е. О., 2017
© ЛитРес: Самиздат, 2017

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	21
Глава 4	30
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Елена Рудакова

Ба

Глава 1

Всё началось в день, когда родители решили продать дачу. Помню, накануне был день рождения подружки, и я пыталась изобразить, что у меня совсем не болит голова. Стоял сентябрь, и пшеничное поле, по которому мы ехали, колыхалось на сильном ветру, как будто над ним сражались невидимые супергерои.

– Илона, всё в порядке? – спросила мама, сидящая за рулём.

Кажется, она заметила, что я держусь за виски, и пришлось изобразить самую счастливую улыбку на Земле.

Я не приезжала на дачу с тех пор, как умерла бабушка, а случилось это ещё в шестом классе. В детстве я терпеть не могла летние месяцы в деревне, тут совсем не было других детей. Мне хотелось приключений, догонялок, игр, а в итоге лето на даче походило на просмотр рекламы в кинотеатре перед показом картины. Вот только фильм в конце так и не пускали, и лето кончалось бессмысленно. К счастью, я провела здесь всего двое каникул.

Родители не любили дачу, потому что путь до неё из Москвы отнимал пять часов. Несколько лет после смерти бабушки дом стоял неприкаянным, но, когда мама нашла в ящике письмо о неуплаченных налогах на землю, они с папой тотчас же решили избавиться от дома, как от старой куртки в шкафу.

– Возьми что захочешь, – сказал папа, когда мы остановились перед домом, а за нами встала Газель грузового такси. – Мебель мы не берём, но поищи что-нибудь прикольное. Может, тут есть царские монеты? Дому-то почти двести лет.

Меня не прельщала перспектива копать в двухсотлетнем хламе, тем более, что я помнила, какого размера в деревне вырастают крысы. Но, пожалуй, тогда, в шестнадцать лет, я впервые почувствовала, то, что зовут ностальгией. Скошенные стены с детскими рисунками в рамках, сломанный чайник на пыльном столе, непишущие ручки в советской банке из-под кофе, запах влажного после дождя дерева...

– Возможно, мы зря продаём дом? – тихо спросила мама, найдя альбом с чёрно-белыми фотографиями. Её голос дрожал, как последний зелёный лист на осенней ветке.

– А что с ним делать? – развёл руки папа, тяжело вздыхая. – Ни у кого из нас нет времени сюда ездить.

Я забралась на мокрый чердак. Крыша давно прохудилась, и на неровном полу чердака образовались глубокие лужи с зелёным налётом водорослей. Здесь спрятались тюки со старой одеждой да поломанные грабли с лопатами. В углу нашёлся древний комод, но ящики не открывались, оставаясь нетронутыми, наверное, с дня отмены крепостного права.

Однако на столешнице комода нашлась старая книжонка в чёрной и липкой, как спина лягушки, обложке. Название «Молитвенникъ» еле заметно проступало на тёмной коже. Жёлтые страницы осыпались по краям, но на полях виднелись заметки от руки.

– Ого, – удивился папа, увидев книгу, когда я спустилась с чердака, покрытая вековой пылью. – Написано, год издания тысяча восемьсот тридцать девятый. Надя, кому это могло принадлежать, как думаешь?

– Хм, да откуда же я знаю, – пожала плечами мама. – Какому-нибудь прапрапрадедушке Илоны. Твоя бабушка, Илона, не любила рассказывать про прошлое.

Ни я, ни мама, ни папа не смогли расшифровать ни одного рукописного слова на полях.

– Теперь не ругайте меня за плохой почерк, – попросила я, глядя на каракули предка.

К закату все нужные вещи были сложены, и Газель отправилась в Москву, а мы пили чай на веранде. Наш дом стоял за сельской церковью, и солнце каждый вечер садилось за неё, подсвечивая окна изнутри красным или персиковым цветом, похожим на тот, который получается, когда просвечиваешь руку ярким фонарём.

– Вот и всё, – сказала мама, допивая чай.

– То есть всё крутое, что завалилось в заброшенном доме – это старая Библия? – разочарованно спросила меня в школе соседка по парте Саша. – Или молитвенник. Какая разница? Не, я не рассчитывала на истории про призраков, конечно, но хотя бы на здоровых таких пауков, которые ловят кошек...

– Такие только в Австралии бывают, – посмеялась я.

Саша закатила глаза и перебросила светлую косу с одного плеча на другое. Её веки всегда наполовину прикрывали глаза, как будто Саша жила в полусне.

– После деревни мне снятся жуткие сны, – пожаловалась я шёпотом, чтобы англичанка не услышала.

– Про кого? – Саша меланхолично рисовала в тетради на полях.

– Не знаю... Может, быть про родственников, которые жили в этом доме? Мы с родителями пытались разобрать, что написано в книжке, и там на обложке с обратной стороны написано слово, похожее на «Алёна». Наверное, у меня была сколько-то раз пра-бабушка по имени Алёна.

– В девятнадцатом веке женщинам вообще разрешалось читать? – усмехнулась Саша.

– Ну, Библия не считалась за «читать» возможно. Бабушка рассказывала, что кто-то из нашей семьи служил в храме. И Алёну при храме учили, может быть.

– Надо её дух призвать, – подмигнула мне подруга. – Помнишь, как в началке Пиковую даму вызывали?

– Помню, как ты выпрыгнула из окна второго этажа, когда дверь от сквозняка хлопнула, – стукнула я Сашу по плечу.

Саша стукнула меня в ответ и громко захихикала, так что англичанке пришлось вlepить нам в дневники по замечанию.

Прошла осень, наступила зима, а я давно забыла про книгу из проданного деревенского дома.

Но однажды, торопясь в выходной день на подготовительные курсы, я случайно наткнулась на молитвенник в ящике стола. Вокруг книги ворохом валялись крошки истлевшей жёлтой бумаги, но я лишь запихнула всё глубже в стол, поняв, что времени на уборку нет.

Сидя в холодном метро между бабушкой, вяжущей рыжий шарф, и мужчиной, разбивающим кристаллы на смартфоне, я подумала: «Алёна, а что бы ты сказала, если бы была здесь?»

Я оглядела вагон, полный уставших, но сытых и здоровых людей. Была ли Алёна сыта посреди зимы в деревне за триста вёрст от Москвы? Была ли она тепло одета? Торопилась ли она куда-нибудь двести лет назад, как сейчас торопится её прапраправнучка Илона? Сколько бы ей потребовалось времени, чтобы смириться с необходимостью ехать в подземном поезде на курсы по ненавистой математике?

«Смотри, вот он, двадцать первый век, – говорила про себя я, глядя перед собой на парня в ярко-красных наушниках. – У нас неплохо, тебе бы понравилось. Интересно, ты знаешь, что такое музыка?»

«Разумеется, знаю, – ответила я сама себе, играя роль Алёны. – Дорогая, невозможно перетерпеть летнюю страду без песен».

Мои курсы находились на Пушкинском бульваре, и, выбегая из метро, я оглядывалась и думала:

«А вот и Москва. Ты её никогда и не видела, наверное?»

«Из деревни далеко-то не поглядишь, – ответила я за Алёну. – Да и кто отпустит? Вот, с отцом была давеча в Твери на базаре, так он говорит, что делать девке в городе нечего».

«Это Пушкин, – думала я, пробегая мимо памятника. – Знаешь такого?»

«Откуда знать-то? Но памятник большой, а я в Твери маленький видала».

«А в Твери кому памятник?» – удивилась я и поняла, что хоть в Твери никогда не была, но вполне представляю её старые улицы и покосившиеся особнячки.

«Да кто его знает! Дворянину какому-нибудь».

«А ты, получается, крепостная?» – сочувственно спросила я, минуя театр мюзиклов и забегая в нужный дом.

«А как же! – почему-то гордо ответила я за Алёну. – Но дворянский дом у нас прямёхенько через дорогу. Рядом с нашей хатой и князьям жить не срамно, такой терем отец построил!»

Вспомнив покосившийся сруб дачного дома, я усмехнулась.

Вбежав в класс математики, я извинилась за опоздание и забыла про разговор с воображаемой родственницей.

– Импрессионисты гордились свежим взглядом на мир, – декламировала лысая учительница по ИЗО, задумчиво глядя в окно. – Они могли нарисовать картину за десять минут, и я хочу от вас того же. Огляните наш класс свежим взглядом, выберите любой предмет и запечатлейте его.

– Она не обидится, если я выберу её? – нахмурилась Саша, глядя на учительницу. – И запечатлею в виде кошки-сфинкса. Похожа на мою Фиалку, такая же гадина.

– Думаю, сойдёт, – усмехнулась я, – она любит самые неадекватные работы. Помнишь, как она превозносила Серёжино художество с одной кляксой на листе?

– Ах, Серёжину... – Саша мечтательно уставилась на затылок Серёжи за первой партой, а я лишь закатила глаза. При упоминании о Серёже Саша теряла связь с реальностью, как космический зонд Вояджер-1 с Землёй.

«Интересно, ты когда-нибудь рисовала?» – мысленно спросила я Алёну, дабы прекратить представлять, как Саша улетает за пределы Солнечной Системы.

«Все рисуют, – ответила я за Алёну, – у меня не было красок, как у тебя, но мы с братьями и сёстрами возились в глине, как дождь проходил. Тогда и художничали».

«И что рисовали?»

«Да всё подряд. Солнце, деревья, отца с мамкой, церковь у дому. Вот Федот рисовал на загляденье, да давеча помер от холеры».

– Неплохо! – похвалила учительница, глядя на мою картину.

На учительском столе стояла женская гипсовая голова для портретов. Недавно по её лбу пошла трещина, и я нарисовала рядом две головы: одну с трещиной, другую – без.

– Я бы назвала эту картину «Memento mori», – вдохновлённо продолжала учительница.

– Момент что? – не поняла я.

– «Помни о смерти», – презрительно бросила учительница. – Ты, очевидно, сама не поняла какую глубину вложила в картину. Это действительно... новый взгляд.

Мне показалось, что учительница смахнула слезу, отходя к следующей парте и ругая одноклассника за банально нарисованный кактус.

– Чего это она? – нахмурилась Саша.

Я могла лишь пожать плечами.

«Так, что происходит?» – недоумевал у меня в голове голос Алёны на физике.

«Да если бы я знала», – ответила я, автоматически переписывая с доски ход решения задачи.

«Но ты же записываешь, выходит, понимаешь. Чудно, что ты умеешь читать, писать и рисовать. Но на прошлых классах я хоть кумекала, о чём говорили, а тут и устную речь словно позабыла. Иксы-шмиксы сплошные. Чудная церковная школа».

«Это обычная школа, – вздохнула я, пытаясь заглушить голос Алёны в голове. – Сейчас все это учат».

«Зачем это?» – удивилась Алёна.

«Хотела бы я знать... Сама терпеть не могу».

«Слушай, да это хуже крепостного права! – я почти увидела, как Алёна уперла руки в боки. – Ладно ещё мужика заставлять цифры писать, но бабу-то несмыслённую за что!»

Я аж подавилась от неожиданности. Саша стала бить меня по спине, а учительница поинтересовалась всё ли хорошо. К счастью, кого-то вызвали к доске, и я от облегчения растеклась по парте, как кетчуп по картошке фри.

«В двадцать первом веке всех учат одинаково», – с обидой сказала я Алёне.

«Да зачем бабонек-то мучать? – рассмеялась Алёна. – На кой тебе эта... физика? Без неё что ль за домом не приходишь?»

«Женщины дома не сидят, – с раздражением думала я, – все получают образование и работают так же, как и мужчины»

«Ой, да прямо и так же! – мерзко-насмешливым тоном говорила Алёна. – Али баба городовым станет? Али в газету писать будет? Али учить знатных князьёв в университетах?»

«Да, всё это можно», – думала я, наблюдая за решением на доске.

«Срам какой! Да ведь какая бабонька с этим управится? Вот ты сидишь тут, а зачем? Ни в зуб ногой в мужицкой физике не смыслишь!»

«Дела не в том, какого я пола, – я до боли сжала ручку в кулаке. – Просто у меня к ней нет таланта... А вот посмотри на доску. Там Даша решает задачу и нормально справляется».

«Да ну тебя! – заохала Алёна. – Али я поверю, что это не мужик? Да у неё волосы короче, чем у всех ребят на селе!»

– Илона... Илона! – тыкала меня в бок Саша. – Открой таблицу с коэффициентами.

Пытаясь понять, что это за коэффициенты, я листала учебник, когда услышала приговор:

– Кузнецова к доске, задача триста седьмая.

Закономерно я получила двойку.

Кончалась зима, начиналась весна, а я всё рассказывала и рассказывала Алёне про то, что в церковные школы ходят единицы, что мужчины и женщины работают одинаково, и что князей и графов давно нет.

Теперь, когда я смотрела какой-нибудь фильм или сериал, приходилось объяснять ей все детали, всё, что произошло в мире с девятнадцатого века по наши дни. Хотя и про свой век Алёна знала так же мало, как муравей про верхушки деревьев. Карта мира и названия стран вызывали недоумение, а фамилии известных политиков и писателей её времени – смех.

– Последние дни так странно себя чувствую, – жаловалась я Саше, когда мы с ней поехали гулять в Парк Горького, празднуя начало весны и наблюдая за прорывающейся из-под снега травой. – Ты не подумай, что я сумасшедшая, но... у тебя были в детстве воображаемые друзья?

– Психологи говорят, что для ребёнка не нормально не иметь воображаемых друзей, – весело рассмеялась Саша и смело сняла шапку, расправляя пушистые светлые волосы, как крылья. – Моего друга звали Кнопка, и он был львёнком. А что? У тебя они до сих пор есть, и поэтому ты вечно витаешь в облаках?

– А я витаю? – смутилась я. – Ну, можно и так сказать... Знаешь, я иногда думаю, как же тяжело людям жилось раньше и как легко живётся нам.

– Не вижу связи с воображаемыми друзьями. О, глянь! – Саша отвлеклась на палатку с мороженым.

– И я иногда представляю, что говорю с людьми из того времени...

– Какого того? – Саша искала в кошельке мелочь на мороженое.

– Например, девятнадцатого века.

– И что говорят? – весело глядела на меня подруга, уплетая мороженое.

– Да так, разное... – отвела взгляд я, не зная, как не выставить себя сбрендившей. – Просто представляю, что болтаю с ровесницей двухвековой давности.

– Может, блог заведёшь? От имени чувихи из девятнадцатого века. Не уверена, что идея топовая, но оригинальненько.

– Не хочется, – нахмурилась я. – Просто хочу спросить... это же не странно?

– Да забей ты! – Саша явно хотела переключиться на другую тему. – Твои мысли – это твои мысли, и всё, что происходит в голове, нормально. У меня тоже иногда такая каша в мозгах, что сдохнуть хочется... Предкам не говорила?

– Не, а то отправят лечиться.

– Ну и правильно, – улыбнулась Саша и запульнула остатки мороженого в выключенный фонтан.

«То есть за небом есть космос?» – спросила Алёна, когда я каталась на велосипеде в ясный летний день.

«Давно тебя не было слышно, – усмехнулась я. – Но да, там бесконечный-бесконечный космос. Ты же и в школе со мной это слышала».

«Да в школе одни формулы, которые ты не знаешь, а за ними я и не поняла ничего», – ехидно заметила Алёна. Её деревенский говор постепенно исчезал, голос становился менее визгливым и всё более похожим на мой обычный внутренний голос, который я слышала, когда, например, читала.

«Ну, и в кино постоянно об этом говорят... Все это знают», – напомнила я.

«И люди летали на звёзды?»

«Нет, – вздохнула я, глядя на пушистые облака. – Звёзды слишком далеко. На орбиту Земли выходили и на Луну вроде бы высаживались».

«На Луну? – ахнула Алёна. – А как туда попасть? Поехали, а? У тебя проездной с собой?»

«Надоела ты мне, – вздохнула я. – Ты дальше Твери не уезжала, какая тебе Луна? Туда просто так не попадают».

«Думаешь, я не хотела? – с обидой спросила Алёна – Думаешь, крепостную девку отпускают по границам? Эх, дура ты, Илона! Имя басурманское, в церкви православные не ходишь, вот и дура!»

Я лишь закатила глаза и быстрее закрутила педали, рассекая велосипедные дорожки в парке. Месяц уже я не «разговаривала» с Алёной, и вот опять. Пора было начинать беспокоиться о здоровье.

«Да пожила бы ты в моей шкуре, а я в твоей! – не унимался голос Алёны. – Поняла бы какого! У тебя всё есть! Ты сыта, одета, можешь учиться столько, сколько мой батя не мог! А он самый учёный на деревне, с двумя классами приходской школы! Я, может, всю жизнь мечтала из деревни уехать да наукам учиться!»

«Что за бред, – я пыталась выключить голос Алёны, но не выходило, – не ты ли недавно говорила, что женщина вообще не нужно писать и считать?»

«Так мне сызмальства это говорили, я и верила! Не знала, что по-другому то бывает. А ты знаешь и просиживаешь штаны за своими сериалами, прости господи Иисусе!»

«Заткнись! – внутренне крикнула я. – Просто заткнись! Реально как бабка старая талдычишь у меня над ухом! Достала!»

Кажется, голос Алёны исчез, и я вздохнула свободнее, вдыхая аромат летних цветов. Я надеялась забыть воображаемую родственницу как психоделический сон.

Тем летом мне несколько раз снились ужасные, переживающие горло сны. Я пыталась избавиться от голоса Алёны в голове, думая, что схожу с ума, но вместо этого стали приходить кошмары.

Мне виделось, что я просыпаюсь в темноте душной избы, что грязные руки вытаскивают меня из кровати и сдёргивают ночную рубашку, натягивая другую из колючей ткани, а поверх – сарафан до земли. Сколько мне лет? Пять? Десять? Двадцать? Я не могла понять.

– Ребята, бежим, она с пустыми вёдрами! – слышала я крик разбегающихся мальчиков. На моих плечах коромысло, тяжелое, как шкаф. Я опускаю вёдра в колодец и вижу в глубине неверное отражение бледной девушки с длинной косой.

– Где ж тебя черти носят? – с недовольством говорит женский голос дома. Неприятно пахнущая полная женщина месит тесто на кухне, в углу которой играет три маленьких ребёнка. – Покорми дитяток. Своих не нажила, так за моими походи.

Почему-то мне очень больно и стыдно, и я плачу, пока меняю пелёнки маленьким детям, а затем стираю их на улице. Промозглый дождь, ледяная вода в тазу, дрожащие и стёртые в кровь руки – не могу понять, это я управляю телом или кто-то другой.

А теперь ночь, и вся деревня идёт по морозу на рождественскую всеобщую молитву в церковь. Та женщина с кухни опять кричит на меня и тащит за локоть. Я вижу освещённый огнями храм и непроницаемую пустоту темноты вокруг. За церковью пустое зимнее поле, чёрное, словно космос.

В церкви – прихожане со всего уезда, некуда встать. Грубая женщина протаскивает меня и несколько детей в угол, и я топчусь на чьих-то ногах. Священник читает непонятные молитвы, и все мы по команде крестимся, повторяя отдельные слова, словно заучивая стихи.

Вдруг чьи-то руки проникают под мою овчинную куртку и шарят по животу, груди, ногам. Я чувствую мужской смех позади и хватаю женщину, с которой пришла, за руку, от страха не смея высказать ни звука.

– Молчи, – зло шепчет она, – это Архип с соседнего двора. Неча из себя царевну строить, коли давно замуж пора. А то вернётся отец с городских заработков, увидит тебя без мужа, да и прибьёт со сраму!

Слёзы текут по щекам, я их чувствую, но не могу утереть, не могу пошевелить ни пальцем. И дело не в страхе, а в том, что тело – не моё.

«Беги! – громко кричу я хозяйке тела. – Врежь ему и беги! Что же ты стоишь! Здесь тёмное поле рядом, тебя никто не найдёт!»

«Без толку, – отвечает другой голос в голове, – всё без толку. Мамаша права, а Архип не самый плохой мужик на деревне, пусть и пьёт».

«Алёна! – пытаюсь докричаться я. – Это же я, Илона! Помнишь меня?»

Чувствую, как Алёна сжимается от отвращения, но не обращает внимания на мои слова. Вся церковь в дыму от свечей, под куполом – серое облако дыма, и ладаном пахнет так мощно, что в глазах Алёны темнеет.

«Да чего ты ждёшь?! – ору так сильно, как только могу. – Ждёшь, пока тебя изнасилуют прямо в церкви? Вот дверь, растолкать десяток человек и пройти пять шагов! Ты сможешь, давай!»

«Мне некуда идти... – тихо думает Алёна. – А у Архипа хата большая...»

«Тогда лучше иди в поле, разденься и замёрзни насмерть! Дура! И как ты смеешь говорить, что я живу не так!..»

Просыпаюсь посреди ночи на мокрой от пота и слёз подушке. Бегу открывать окно и полной грудью вдыхаю тёплый летний воздух, пропитанный родным запахом бензина. С удо-

вольствием вдыхаю аромат мегаполиса, забывая про удушающий ладан деревенской церкви. Тело липкое от пота, а места, где Архип касался Алёны, чешутся, как укусы слепней.

«Дура! – ругаюсь я про себя, залезая посреди ночи под душ. – Какая же ты бесхребетная дура! И смеет указывать на то, что я тупая!»

В голове неожиданная пустота, монотонный гул, как от холодильника, и голос Алёны не появляется, не прогоняет тишину.

«Надеюсь, ты осталась в своём долбанном теле и делаешь Архипа моим прапрапрадедом!»

Я сажусь на дно ванны и хватаюсь за голову, пытаюсь понять, насколько же сильно я свихнулась.

«Это просто фантазии, – говорю я себе. – Просто воображаемый друг. Я ведь даже не уверена, что моих предков звали Алёна или Архип, да? Нет никаких свидетельств... Никаких».

Перед выпускным классом мои родители и родители Саша скинулись на путёвку в Турцию, чтобы побаловать будущих выпускниц. Валяясь на пляже, набивая живот едой из all-inclusive и покупая безделушки на пыльном базаре, я совсем забыла про кошмары и пыталась не вспоминать об Алёне, как о ветрянке, оставшейся в далёком детстве.

– У тебя, кстати, это... как с головой-то? – спросила Саша, когда мы плавали в море с панамками на головах. – В конце учебного года ты жутковато жаловалась на друзей-глюков.

– Просто вспоминала детство, – неловко рассмеялась я. – Ты рассказывала, что твоим воображаемым другом был львёнок, а не человек?

– Ха, я рассказывала? – улыбнулась Саша и раскинулась на воде в позе морской звезды, держась у границы воды. – Да, он был как маленький Симба из мультя. Просто у меня не было домашних животных, а, видимо, очень хотелось.

Над нами пролетали чайки: так низко, что порой полностью закрывали Солнце. Моё лицо грелось под лучами, и невольно вспоминались слова Алёны: «А правда, что за небом есть космос?»

– Но он говорил? – спросила я.

– Вроде да. – засомневалась Саша. – Говорил, что львы едят только кокосовые конфеты, а у нас дома их никогда не было.

– А что ещё говорил? – я закрыла глаза, и мир стал мутно-оранжевым.

– Это было сто лет назад, – отмахнулась Саша. – Ты почему спрашиваешь?

– Просто интересно... Я в детстве представляла, что у меня есть сестра, которая приехала издалека. То ли из Австралии, то ли из Бразилии, страна всё время менялась. Представляла, что я вырасту и посмотрю её родину и что вообще буду всю жизнь путешествовать.

– Нет ничего невозможного, – Саша уверенно хлопнула рукой по воде, и её морская звезда потопла. Вернув равновесие, она продолжила. – Решила куда поступать будешь?

Я выпустила весь воздух из лёгких и ушла под воду, оставляя пузыри над головой. Вынырнув, я ядовито посмотрела на Сашу и сказала:

– Не говори об этом.

– Окей, – рассмеялась та.

Ночью я сидела на балконе номера и смотрела, как Луна освещает остров в море. На территории отеля заканчивалась дискотека, но ещё в начале танцев Саше стало плохо, и я отвела её в номер. Наглотавшись таблеток, она уснула, а я осталась сидеть на балконе, слушая то ли крики туристов, то ли крики чаек, и пытаюсь разобрать хоть одну звезду, но освещение отеля было слишком ярким.

«Что же с тобой случилось в ту ночь?» – думала я про Алёну.

«То, что никогда не должно случиться с тобой», – вдруг услышала я знакомый голос Алёны.

«Ты не убежала, так ведь?»

«Было некуда бежать... Ты, городская девочка, никогда не знавшая голода, не поймёшь этого».

«Ты могла бы убежать в город. Это было Рождество, наверняка, кто-нибудь ехал в город на праздник и подбросил бы тебя... Там ты могла бы найти работу. Хотя бы нянечкой, но ты была бы свободна...» – я смотрела на пустой остров посреди тихого моря чёрной воды.

«Легко лишь сказать, – горько усмехнулась Алёна. – Я была совсем одна, никто бы мне не помог. Добрые попутчики на Рождество встречаются лишь в сказках, а у нас в селе это был бы пьяный пахарь, который довёз бы меня до первого сугроба и оставил, поиздевавшись. И работа... Даже добравшись до города, я бы замёрзла насмерть на улице или попала бы в полицейский участок. Приняли бы за девку с жёлтым билетом, за кого же ещё... И кто бы взял на работу няню, сбежавшую от семьи?»

«Ты бы сказала, что сирота. Кто-нибудь бы да помог...»

«Да что ты заладила! Кто-нибудь да кто-нибудь! – закричала Алёна. – Никто бы не помог! Никто! Я всю жизнь была одна! Хотя и жизни у меня не было...»

Луна скрылась за облаком, отельные фонари погасли, и стали видны звёзды, тусклые, как полуживые светлячки.

«Если бы я только жила в твоё время, – спокойнее продолжила Алёна, – то провела бы настоящую жизнь. Тебя не держат дома, ты можешь изучать науки и смотреть весь мир! На моём веку ни одна крестьянка о таком и помыслить не могла...»

«В моём теле много не увидишь, – вздохнула я. – Талантов у меня нету, так что и науками не займусь и много на путешествия не заработаю... Пора тебе поискать человека поинтереснее».

«И ты смеешь говорить, что я жила не так? – Алёна припомнила мой давний укор. – У меня не было ни одной дороги, а перед тобой открыты тысячи! Я хотела бежать из деревни изо всех сил, но боялась смерти. А ты чего боишься? Кем ты станешь через год?»

«Заткнись, мне и родственников хватает с их вечными расспросами про универ! – от злости я сжала перила балкона. – Я не знаю, что мне делать, ясно? Не знаю, и всё! У меня просто нет ни одного таланта, и я знаю, что ничего не добьюсь...»

«Мне указывать ты горазда, а на деле... – Алёна поцокала языком. – Раз ты такая пугливая, то я могу всё решить за тебя».

«Как это?» – встрепелась я, а Луна вышла из-за тучи.

«Раз ты заранее махнула на жизнь рукой, то позволь прожить её мне, – с улыбкой в голосе сказала Алёна. – Тебе легко было давать советы со стороны. "Беги в поле!" "Езжай в город!" Да вот во всамделишном мире такое люди не вытворяют, они остаются дома и плачут каждую ночь в подушку. Так и я советы давать горазда! А ты, может, посмелее меня? Может, научишься слушаться советов?»

«Хочешь указывать мне как жить?» – обалдела от наглости я.

«Ага! – весело сказала Алёна. – Раз тебе всё равно как жить, то я помогу!»

Я глубоко вздохнула. За стеклянной дверью балкона на кровати мучалась Саша, а под окнами слонялись пьяные туристы. На самом деле, мне не хотелось сюда ехать, вот если бы поход в горы... Но просто было неудобно отказывать родителям и Саше.

«А давай!» – махнула рукой я.

Глава 2

С того дня началась совсем иная жизнь, больше похожая на шоу, которое наблюдаешь в цирке, находясь за безопасной решёткой, пока дрессировщик на сцене засовывает голову в пасти тигра. Я оказалась равнодушным зрителем в зале, пока Алёна хаотично моталась по арене, размахивая кнутом.

– Зачем тебе это? – удивилась Саша в аэропорту Анталии, откуда мы возвращались в Россию. Подруга поймала меня на покупке газеты на турецком языке.

«Купи её, – сказала Алёна. – Я хочу выучить арабский».

– Фотографии посмотрю, – улыбнулась я Саше и пробила газету на кассе.

«Да я же ни одной буквы их не знаю!» – возмутилась я мысленно, пытаюсь разобрать заголовок на первой полосе.

«Ха, да басурманский язык выучим в два счёта! – усмехнулась Алёна. – Так, одна палочка похожа на цифру один. Так, а эта закорючка выглядит совсем как... эта закорючка... и как эта. Понятно, лингвистом нам не быть».

«Эй, так никто не учит языки!» – подумала я.

«А как учат?»

Я заметила вопрошающий взгляд Саши, рассматривающей меня с газетой. Пожалуй, она никогда не видела меня читающей новости и, тем более, делающей это так задумчиво. Краем глаза я заметила, что другие российские туристы покупают и вертят в руках разговорники.

«Для этого есть учебники, разговорники», – объясняла я Алёне.

«Можешь заполнить сейчас?» – строго спросила она.

Я вернулась в книжный магазин и нашла тонкий разговорник, вкратце объяснила Алёне, как он работает, и купила.

– Обычно их изучают перед отпуском, – удивлённо уставилась на меня Саша, попивая кофе из автомата.

«Привет! Селам! – громко читала в мыслях Алёна, – До свидания! Гюле-гюле! Ха, басурмане разговаривают как дети! Заговорим за три дня!»

«Здесь не басурмане, а турки. Страна такая Турция есть, ты в курсе?» – усмехнулась я.

«Откуда я, по-твоему, её знаю, если ты никогда о ней толком не думала? Да ты вообще ни о чём не думаешь, голова пустая, как горшок после ужина!»

«Не смей меня оскорблять! – возмутилась я. – Могу в любой момент прекратить наш договор, знаешь ли».

«Ладно, прости, – вздохнула Алёна. – Расскажи мне про Турцию, пожалуйста».

На последней странице разговорника оказалась карта мира с ярко выделенным полуостровом Малой Азией.

«Так... – растерялась Алёна. – И что это за коровьи лепёшки?»

«Материки это, – мысленно улыбнулась я. – Мы прилетели отсюда, из России. Эта точка – Москва, а эта красная штука – Турция. Остальные континенты: Австралия, Южная Америка...»

– У тебя всё в порядке? – обеспокоенно спросила Саша, глядя, как я тыкаю пальцем в карту мира.

– Да, – слишком бодро улыбнулась я. – Ты не можешь, пожалуйста, проверить табло?

Пока Саши не было, я успела показать Алёне разные страны, о подавляющей части которых она никогда не слышала, даже о европейских. В момент, когда я утверждала, что Землю можно обогнуть за день на самолёте, та благоговейно замолчала...

«Подожди... Мир такой маленький?» – со страхом в голосе спросила Алёна.

«Но ты же слышала про космос и про звёзды...»

«Да, но туда же невозможно попасть! – ужаснулась та. – И мы заперты здесь?»

«Планета огромная, это просто самолёты быстрые», – не понимала причину паники Алёны я.

«Хотя с другой стороны, – словно не замечала она меня, – возможно же побывать во всех странах мира, правда?»

«Кто-то это наверняка делал... Ты хочешь отправиться в кругосветное путешествие?» – не без радости подумала я. Пусть Алёна меня хотя бы поразвлекает.

«Что ж, я найду и другой способ разобраться с твоим миром».

Голос Алёны пропал, и я заметила, как вернулась Саша.

– Там ливень, рейс задерживают, – сказала подруга.

Только сейчас я обратила внимание на гром за окном. Тёмно-серое небо близко прижималось к земле, пытаясь лечь на лётное поле и слиться по цвету с асфальтом.

«Найди мне схему летающей штуки, которая принесла нас сюда!» – потребовала Алёна, а я закатила глаза.

«Найду дома в интернете, окей?»

«В чём?» – не поняла Алёна, и я осознала, что мне предстоит нелёгкая жизнь.

За день до начала последнего учебного года в школе я сидела за компьютером и смотрела лекции по авиации и строению самолётов на Ютубе, ровным счётом ничего в них не понимая. Алёна попросила конспектировать всё увиденное и услышанное, и я уже исписала целую тетрадь на 48 листов после возвращения из Турции, после моего согласия следовать всем указаниям Алёны и после начала её жгучего увлечения самолётами.

«Ты неправильно нарисовала элероны!» – возмущённо подумала Алёна.

«Я не знаю, что это», – спокойно ответила я, привыкая к характеру родственницы.

«Мы же вместе лекцию смотрим! Это мобильные панели на задней части крыла, они управляют креном самолёта. Помнишь, мы сидели у иллюминатора прямо над крылом, и во время посадки часть крыла поднималась, тормозя о воздух?»

«А, точно...» – вспомнила я и исправила неровные линии на чертеже.

Закончив к вечеру курс лекций по введению в устройство современных пассажирских воздушных судов, я надеялась наконец расслабиться и посмотреть новую серию Игры Престолов под пиццу, когда Алёна возмутилась:

«Ты потратила зря шестнадцать лет своей никчёмной жизни, и я не дам тебе потерять ещё полтора часа! Мы должны повторить алгебру до начала занятий в школе!»

«Да пошла ты! – возмутилась я, выключая компьютер и выходя на кухню за едой. – Я соглашалась на помощь, а не на рабство!»

«Ты собираешься отравлять организм отбросами? – ухмыльнулась Алёна, наблюдая, как я достаю пищу из морозилки. – Минуточку, но теперь это и моё тело! В холодильнике есть отварные овощи, будь добра съесть их».

Никак не комментируя нравоучения, я засунула пиццу в микроволновку и стала наблюдать, как та вращается внутри. Мозг после нескольких часов научных лекций скукожился как курага, и теперь от взгляда на мирно крутящуюся пиццу он приходил в себя.

– Разбудить тебя завтра утром? – мама зашла на кухню, спасая меня от вопросов Алёны.

– Да, спасибо, – улыбнулась я.

– Кстати, Илона... – вздохнула мама, садясь за стол и складывая руки перед собой. – Тебе не жаль, что мы продали дом в деревне? Знаешь, ты ведь могла бы туда съездить летом...

Я почувствовала волну неприятных воспоминаний Алёны и усилием воли представила вместо них поющего Лунтика.

– В этом захолустье даже нет продуктового, – развела руками я, – я бы не нашла, чем себя занять в такой глуши.

– Ну и славно, – хлопнула в ладоши мама. – Позови нас с папой на пиццу.

«Только попробуй включить свой тупой сериал», – угрожающе подумала Алёна, когда я вернулась в свою комнату с куском пиццы.

«Во-первых, он не тупой. Во-второй, откуда такой лексикон, Ба? Где деревенский говор?»

«Я тебе не «Ба»», – хмыкнула Алёна.

«Как ещё звать прапрапрабабку», – беззвучно засмеялась я, включая комп.

«Ты не посмеешь!» – говорила та, пока я искала новую серию.

«О, посмею».

«Положи мышку!» – кипела она, когда я включила фильм, развалившись в кресле.

«Нафиг пошла», – я врубила звук в наушниках на полную и перестала слушать возмущённые крики Алёны.

– Ты сегодня опять с домашкой? – искренне удивилась Саша, когда мы встретились на уроке геометрии.

– Представь себе, – я показала ей пять решённых задач и широко зевнула. – Не знала, чем ещё себя занять в два ночи.

«Мы бы управились до ужина, если бы ты не решила поиграть в Скайрим», – зло напомнила Алёна.

– Ты реально решила поступить в МГУ, что ли? – Саша кинула в рот жвачку и протянула пачку мне, но я отказалась, вспомнив фильм про аппендицит, который смотрела Алёна в прошлом месяце.

– Видимо, да, – печально вздохнула я.

– И на какую специальность? – засмеялась Саша.

– Хотела бы я знать...

Интересы Алёны менялись так же резко, как погода в начале учебного года. Если всё началось с самолётов, то через три дня внимание Алёны переместилось на иммунологию человека, ещё через три – на звёзды-квазары, и через неделю – на технологию производства целлофана.

– Не на гуманитария, – поняла я.

– Серьёзно? – саркастично улыбнулась она. – А на кого, на инженера? У тебя же тройки по всем предметам, кроме литературы и чего-там ещё... обществознания?

– Ты вообще-то не лучше, – обиделась я. – Кто смог получить двойку по музыке?

– Это было за прогулы. И я хотя бы не прикидываюсь гением, как ты. Что, предки отдали тебя на двадцать дополнительных курсов?

– На семь. Всё-таки мы в одиннадцатом классе...

– Не напоминай... – вздохнула Саша и выплюнула жвачку на пол.

На этом уроке меня впервые в году вызвали к доске, и я морально приготовилась позориться. Мел наощупь казался, как свежевыкопанная немытая картошка, хоть я никогда и не рыла её на огороде. Но мелкая белая пудра ощущалась на пальцах, как сухая земля. За окном желтели деревья, а где-то далеко от города фермеры убрали картофель с полей.

– Задача номер тридцать пять, – произнесла приговор учительница.

«Расслабься, – сказала Алёна. – Просто перерисуй этот октаэдр и обозначь вершины цифрами».

– Что тебе требуется найти? – как у маленького ребёнка спросила учительница, увидев, как я колеблюсь в графе «Дано».

«Так, угол между гранью CD и пересечением высот этой пирамиды... – услышала я размышления Алёны. – Пиши: угол CFG».

– Хорошо, – сказала учительница. – Какие ты хочешь использовать формулы?

«Скажи, что сначала нужно найти объём пирамиды ABCD, а потом вычислить высоту HF», – подсказывала Алёна.

– О, неплохо, – искренне удивилась учительница, когда я озвучила слова Алёны.

Под диктовку я писала каждую букву и цифру, до чёртиков боясь, что голос Алёны исчезнет, и я останусь стоять с наполовину законченным решением перед классом – всё равно что наполовину раздетая.

«Здесь большая Н, большая!» – недовольно ворчала Алёна, когда я ошибалась.

– Покажи, площадь какой грани ты сейчас нашла, – попросила учительница.

«Нет, выше! Верхняя грань, верхняя!» – кричала Алёна, когда я ткнула в неправильную часть фигуры.

Закончив все вычисления и написав ответ, я с опаской посмотрела на учительницу. Та открыла мой дневник и поставила жирную 5, заняв три строки.

– Я впечатлена, Илона, – округлила глаза она. – Рада, что ты занималась летом.

Возвращаясь за парту, я пребывала в глубоком шоке. Я видела длинное, аккуратное решение на доске, написанное моим почерком, но я не понимала ровным счётом ничего из начерченного.

– Уау, – шепнула Саша. – Ты реально зубрила летом?

Я лишь кивнула, стараясь не вызывать подозрений.

Похожие истории происходили и на химии, и на русском, и на биологии, и на истории и просто везде. Я не представляла, как информация укладывалась в голове Алёны (хотя нет, в моей голове) так быстро и в таком объёме. Конечно, та постоянно заставляла меня что-то читать, решать и искать, но я запоминала лишь малую часть из проделанного, а Алёна вообще всё, как суперкомпьютер. Иногда я чувствовала, что мозг разбухает, как сухая губка под тёплым душем.

Пожалуй, страннее всего звучали мои устные ответы.

– Илона, опиши вкратце причины падения численности населения на территории России до введения НЭПа? – спросила у меня однажды учительница истории.

Я в ужасе поднялась с места, понимая, что даже не знаю, о каких годах идёт речь. Более того, мы с Алёной посмотрели лишь пару фильмов про двадцатый век, так что я была уверена, что та не могла быть хорошим помощником.

«От Российской империи отошли многие территории», – подсказала Алёна.

– От Российской империи... отошли многие территории, – повторила я вслух.

– Какие именно? – спросила учительница.

«Хм, сложный вопрос... – думала Алёна. – Точно Польша, Финляндия, Латвия, Эстония, Литва».

«Разве после империи они сразу не вошли в СССР?» – удивилась я.

«Отвечай быстрее!» – скомандовала Алёна.

– Польша, Финляндия, Латвия, Эстония, Литва... – быстро вслух сказала я.

– Ты подглядываешь? – нахмурилась учительница. – Какие ещё?

«Скажи, что части Белоруссии и Армении», – сказала Алёна.

– Частично Белоруссия и Армения... кажется.

– И как это повлияло на введение НЭПа? – спросила учительница.

«Уменьшение численности населения повлекло за собой критичное снижение объёмов промышленного производства, – уверенно подсказывала Алёна, будто читая, – и правительство решило вести жёсткую плановую экономику».

Я повторила всё слово в слово и заработала плюсик за ответ.

– Уау, – снова удивилась Саша.

«Откуда ты это знаешь? – обеспокоенно спрашивала я Алёну. – Мы про это не читали!»

«НЭП была темой последнего урока по истории в прошлом году», – ответила та.

«Но как ты могла слышать тот урок? Ведь в прошлом году я вспоминала о тебе, не знаю... раз в месяц».

«Это не значит, что я не вспоминала о тебе чаще».

В тот день я впервые ощутила настоящее беспокойство от присутствия Алёны. Гостья в голове ощущалась как надоедливая песчинка, залезшая глубоко под ноготь. Поняв, что родственница знает мои мысли из прошлого, я хотела спрятать самые личные переживания поглубже в сознание, но, пытаясь дотянуться до дальних уголков памяти, поняла, что не знаю, чья она. Мы с Алёной смешивались как желтая и синяя краска, образуя зелёный цвет, который никогда не разделится на старые два.

Наступила зима, и жизнь превратилась в нескончаемую рутину из холода и зубрёжки. Родители не могли нарадоваться на прилежность дочки, а Алёна выносила мозг придирками и приказами. Я перестала заниматься чем-либо, кроме учёбы, даже Саша не могла вытащить меня погулять, не говоря о менее близких друзьях.

В тот день я шла по Новому Арбату, возвращалась с допов по физике, на которые попросила родителей меня записать. Вернее, попросила, конечно, Алёны, но моими устами. Шёл густой снег, но ветра не было, и холодный воздух стоял неподвижно, как кисель в заиндевевшем стакане.

Я остановилась у витрины книжного магазина и взглянула в стекло, как в зеркало. Из-под бесформенной шерстяной шапки торчал нечёсанный чёрный хвост. Впалые щёки прикрывал грязный шарф, а запотевшие закрывали очки круги под глазами. Я выглядела не на семнадцать, а на тридцать пять.

– Хватит издеваться надо мной, я больше не могу... – вслух шёпотом сказала я. – Зачем ты заставляешь меня столько учиться, у меня же не осталось жизни! Просто зачем, объясни?..

Я посмотрела в глаза своему отражению и в сотый раз задумалась над тем, что не знаю, как выглядела Алёна. Почему-то мне казалось, что она была худой миниатюрной девушкой с пушистыми рыжими волосами и колючими серыми глазами.

«Ты добровольно согласилась на мою помощь, – в мыслях напомнила мне Алёна, – и теперь я получила шанс исполнить мечты. В прошлой жизни я не узнала ничего о мире, в котором жила, но теперь хочу понять всё!»

– Но это же невозможно... – прошептала я отражению. Заметив удивлённого прохожего, я приложила к уху телефон и продолжила увереннее. – Ты ничего не говорила о своих намерениях, когда я согласилась жить за тебя! Я думала, ты была несчастлива, потому что вышла замуж за мерзкого типа, и всё!

«То есть ты считала, что я буду работать для тебя свахой? – едко рассмеялась Алёна. – Милая, я была замужем, и мне не понравилось. Я не допущу, чтобы ты повторяла мои ошибки»

– Чего?! – не выдержав, вскрикнула я и перешла на полный голос. – А меня ты спросила? Я вообще-то хочу семью, а не нервный срыв от бесполезных курсов!

«Ты никогда не знала, чего ты хочешь, – уверенно сказала Алёна, – а я знала всегда, что хочу учиться и с каждым новым рассветом знать всё больше и больше. Но крепостной девке должно было быть достаточно рассказов сельского батюшки о Марии и Иисусе! Ты представляешь, каково жить в мире, когда ты думаешь, что небо голубое, потому что это любимый цвет ангелов? Я терпеть не могла надменную морду священника, который рассказывал о жизни и смерти так, будто всё знал! А я не умела даже читать! Единственная книга, что была у нас в доме – молитвенник отца, который тоже знал не все буквы алфавита!»

Зажав со всей силы телефон в руке, я едва сдержала порыв разбить им витрину.

– Невозможно узнать всё, – зло сказала я в телефон. – Ты сведёшь меня в могилу, пытаясь учить термодинамику параллельно с генетикой!

«Но именно эти дисциплины могут открыть происхождение жизни и материи!»

– Оу, – неловко замолчала я. – Серьёзно? Происхождение жизни и материи? Ты нацелилась на это? Тогда почему мы не учим философию?

«Это давно мёртвая наука, – отмахнулась Алёна. – За три тысячи лет никакого прогресса. У меня есть свой план, и тебе придётся в нём участвовать».

– Знаешь, что я думаю? – горько вздохнула я. – Что эти научные штуки попросту бесполезны. Если хочешь узнать мир, нужно путешествовать, общаться с людьми...

«У тебя нет для этого денег», – едко заметила Алёна.

– Ну давай тогда я пойду работать после школы!

«Вот видишь, ты не знаешь, как поступить... – вздохнула Алёна. – Поэтому прошу, успокойся и доверься мне».

– Да какого чёрта я должна тебе верить? – снова закричала я. – Ты хочешь разрушить мою жизнь!

«Посмотри на себя со стороны, кем ты была до меня? Троечницей, спускающей карманные деньги на косметику и шмотки. Сериальным задротом, тратящим сутки на просмотр чуши? А посмотри теперь! Одна четвёрка за триместр, и та по дурацкой литературе. Мы сдали пробный ЕГЭ по математике на восемьдесят шесть баллов! Но я уверена, мы продвинемся минимум на десять баллов вверх! Мы поступим в Бауманку, и я считаю, займёмся теоретической физикой для начала».

– Для начала? Это не то, чего я хотела... – тихо сказала я, прижимаясь лбом к холодному стеклу. – Я никогда... не чувствовала себя настолько одинокой...

Рядом бегала бродячая собака, скуля от мороза и поджимая лапы. Я села на корточки, прижимаясь к витрине, и моя сумка упала на замёрзшую лужу. Собака спокойно обнюхала её и, не найдя ничего вкусного, убежала. Я вдыхала полной грудью промозглый воздух и оранжевый свет от фонарей, чувствуя себя, как на другой планете.

«Тихо-тихо, – прошептала в моей голове Алёна, таким редким для неё добрым голосом. – Я ведь рядом с тобой, и всегда буду рядом. Ты всё сможешь преодолеть, я обещаю».

Я хлюпнула носом и почувствовала, как ледяные слёзы стекают по щекам и впитываются в шарф.

«Всё будет хорошо, – продолжала Алёна, и я сжала ладони, представляя, что одна из них принадлежит не мне, а ей. – Ты очень сильная и со всем справишься. Потерпи, пожалуйста, до экзаменов, а потом станет легче, я обещаю»

Легче не стало: я почти не спала, ела, только когда мне об этом напоминали, и круглосуточно зубрила-зубрила-зубрила. Однажды я проснулась в два часа ночи, потому что Алёне захотелось написать статью о шестеричной системе исчисления у шумер, и на следующей день в школе мне приходили уведомления о лайках, которые ставили статье на незнакомом сайте.

– Мы сегодня с Серёжей в кино идём, – сказала мне на уроке Саша, – хочешь с нами?

– С каким Серёжей? – я держалась за виски, пытаюсь унять головную боль.

– Алё, с парнем моим! – удивилась Саша. – Это, конечно, свидание, но ты так хреново выглядишь последние дни, что тебе стоит развеяться.

Я помнила, что Серёжа учится с нами в одном классе, но обводя кабинет глазами, я не могла понять, кто здесь Серёжа. Пальцы похолодели от осознания, что со мной что-то не так. Кажется, Серёжа учился с нами с первого класса и встречался с моей подругой уже года три, как возможно забыть его? Или он перевёлся к нам в прошлом году?.. Как будто мозг превращался в медузу и жалил сам себя.

– Что ты имеешь в виду, – спросила я Сашу на перемене, – когда говоришь, что я хреново выгляжу?

– Ну, с чего начать? – критично осмотрела меня подруга. – Ты истощала, не мылась как будто месяц, иногда разговариваешь сама с собой и окончательно сдвинулась на учёбе.

– Разговариваю сама с собой? – ужаснулась я.

– Да, регулярно, – нахмурилась Саша. – Сидишь и бурчишь себе что-то под нос.

– А что именно?

– Сложно понять, я не знаю...

После школы я гуляла по парку, оттаивающему после зимы, и была рада возможности впервые в году расстегнуть пальто на улице. Слабые лучи мартовского солнца напекали чёрные волосы, и я сделала глубокий вдох влажного воздуха.

«У меня проблемы с памятью, – сказала я Алёне. – Я, блин, забываю знакомых, и это из-за тебя! Меня позвали в кино, а я даже не поняла с кем!»

«Увы, твои способности ограничены, – недовольно ответила та. – Чтобы запоминать больше полезной информации, нужно чем-то жертвовать».

«Если это не прекратится, я пойду к психиатру, – пригрозила я. – Мне нужна собственная жизнь! Без тебя. Дай мне хотя бы полдня».

«В неделю?»

«В день!» – громко подумала я, а возможно и крикнула вслух.

«Ну уж нет! – строго сказала Алёна. – Не больше часа перед сном на дурацкие фильмы».

«Мне не на фильмы время нужно, а на жизнь! Я совсем не общаюсь с друзьями...»

«Наверно, потому что у тебя их нет», – усмехнулась Алёна.

«Да, из-за тебя, – я села на скамейку рядом с заснеженной клумбой и пыталась разглядеть, прорезаются ли ростки из-под снега. – Три часа в день, в любое время, когда я попрошу».

«Два часа».

«Чёрт, ладно!»

«Но у меня есть условие».

Рядом со скамейкой гулял голубь, и я завидовала птичке, бездумно клюющей мусор на асфальте.

«Какое?» – со вздохом спросила я.

«Когда мы поступим в университет, мне нужны будут деньги. Сможешь найти подработку на пару часов в день? И за рабочее время я не скажу ни слова».

«Отлично, оставишь меня, чтобы не заниматься поджаркой котлет в Маке?» – искренне обиделась я.

«Да, мне противна неинтеллектуальная работа, – честно ответила Алёна, – а для тебя она как раз подойдёт. На самом деле мне всё равно, где ты будешь работать, лишь бы деньги были»

«Ладно, я согласна», – меня уже нельзя было удивить мысленными оскорблениями.

Не знаю как, но я закончила школу. Не знаю как, но я сдала три экзамена на 298 баллов из 300 возможных. Не знаю почему, но даже таких баллов не хватило на Бауманку, и Алёна решила идти в МИФИ, то есть в Московский Инженерно-Физический Институт на направление физики атомного ядра, и это её мнению оказалось даже круче Бауманки.

– Если тебе это интересно, то иди, конечно, – говорил тем летом обалдевший папа. – К тому же с настолько высокими баллами тебе будут платить стипендию.

– У тебя внезапно проснулся талант, – удивлялась мама, – а талант обязательно нужно использовать!

Знала бы мама, что это талант её дальней родственницы...

Даже не помню, как прошло лето между школой и универом. Кажется, я снова училась с утра до ночи, решая неразрешимые математические задачи и учась проектированию 3d-моделей, чтобы построить трёхмерную схему кровоснабжения человека. Зачем-то.

Алёна держала слово и покидала меня каждый день на два часа, но обычно я просто лежала на кровати, отдыхая. Пульс стучал в висках, а голова кружилась так сильно, что я чувствовала, как крутится вокруг своей оси Земля, как она оборачивается вокруг Солнца, и как оно вертится вокруг центра Млечного Пути. Алёна, наверно, могла бы сказать вокруг чего крутится Млечный Пути, но и моих скудных знаний оказалось достаточно, чтобы меня стошнило на ковёр. Для таких случаев у меня были запасены пачки влажных салфеток и чистящее средство под кроватью.

Перед началом учёбы в вузе мне позвонила Саша и обиженным тоном сказала:

– Тебе, конечно, всё равно, но я поступила на маркетинг...

– О, поздравляю, – сказала я, пытаюсь вспомнить, как выглядит подруга.

– Попала в МГУ, как хотела?

– Ага, почти. В МИФИ.

– Я не знаю, что это. Знаешь, мы с Серёжей поженимся через два месяца, ты... хочешь вообще, чтобы я тебя приглашала?

– Неа, – честно ответила я, даже без подсказки Алёны.

– Понятно, – грустно вздохнула Саша. – Что ж, прощай.

Гудки в трубке болью отдавались в голове. Я отбросила телефона и почувствовала, как волны боли перетекали от одного уха к другому, задерживаясь в центре мозга. Я представляла, что внутри головы стоят огромные серверы, но их провода намокли и стали коротить, руша систему и стирая рандомные данные. В одной части серверной был мороз, в другой – адское пекло, одни чипы замерзали, другие – плавились, и всё ломалось-ломалось-ломалось...

Оглядываясь назад, я понимаю, что последние месяцы школы оказались самым трудным временем для меня. Мой организм не мог привыкнуть к Алёне и отторгал её, как новый имплант. Но, как и с имплантом, время всё меняет. Сначала тебе хочется вырвать из тела инородный объект, потом ты привыкаешь, перестаёшь замечать и осознаёшь, что с высокотехническим имплантом намного удобнее, чем без него, а в итоге и вовсе не представляешь, как жил раньше. Алёна оказалась для меня таким имплантом, всё равно, что кардиостимулятором: вытащи – и я умру. Я попросту разучилась жить самостоятельно.

Глава 3

Университет с подработкой быстро стали рутиной. Полдня занимали пары по предметам, даже название которых я могла запомнить с трудом. К счастью, единственной моей задачей стало тупо списывать формулы с доски и срисовывать графики, в которых Алёна, в отличие от меня, разбиралась, как пчела в цветах. А я пыталась просто не обращать внимание на часы, проведённые в институте.

Взамен я стала экспертом по приготовлению блинов в торговом центре по соседству с универом. Каждый будний день я работала в фастфуде, то дежурия на кухне, то стоя у кассы. Работа оказалась тяжелой, но радостной, потому что два-три часа я наслаждалась вакуумом в голове, не слушая сумбурные мысли Алёны.

Но после подработки приходилось возвращаться домой, с маньячным усердием Алёны делать домашнюю работу и начинать изучать новую бесполезную фигню, вроде узоров на панцирях тихоокеанских двустворчатых моллюсков. Со временем я решила просто не спрашивать у Алёны, по какому принципу выбираются темы всенощных исследований, потому что она лишь злилась и говорила, что мне, дуру, всё равно не понять.

В тот день на подработке случилось два ненужных события: сломался один холодильник и пришёл новенький работник. В фаст-фуде ты считаешься матёрым профессионалом после двух месяцев работы, поэтому меня обязали показать ему кухню.

– Готовая блинная смесь стоит в холодильнике, не забывай убирать каждый раз обратно, – спокойно объясняла я новичку. – Нет, не в этот, он сейчас сломан. Опять крысы перегрызли провода, наверно... Из этих контейнеров берёшь овощи, из этих – мясо.

Новенький Вадим воодушевлённо кивал, а, задавая вопросы, задумчиво чесал короткостриженую, почти лысую голову. Мне хотелось поскорее с ним расправиться, чтобы до возвращения Алёны успеть посидеть в интернете. Дома родственница не давала даже початиться с друзьями в Контакте, и я урывала свободные минуты на работе.

– Можно на «ты»? – улыбнулся Вадим.

– Без проблем, – ответила замученной улыбкой я. – Ты будешь работать тоже по вечерам?

– Нет, я на полный день пришёл.

– Мне показалось, ты тоже студент, – удивилась я.

– В том году учился, не понравилось, – театрально нахмурился Вадим. – К тому же после сессии выперли. А ты на кого учишься?

– На физика.

– Ого! – Вадим даже присвистнул. – Не тяжело? В смысле... Я не видел, чтобы девушки учились на такой специальности, хотя сам учился на инженера. Первый курс?

– Ага. Пока что всё нормально, – ответила я. Новенький оказался дружелюбным болтливым парнем, а с тех пор, как появилась Алёна, я перестала общаться с кем-либо оффлайн, потому что в универе та сторонилась одноклассников, как огня.

– Надеюсь, ты переживёшь первую сессию. Это самое страшное, что случалось в моей жизни, честно.

Пока я учила Вадима готовить блины, тот рассказал, что из универа его отчислили не столько за плохие оценки, сколько за прогулы. Вадим оказался страстным путешественником и при любой возможности брал рюкзак и шёл на трассу автостопить. Между путешествиями он подрабатывал в Москве, живя с родителями, а потом снова рвался то в Крым, то на Алтай, то на Сахалин. Изъездив всю Россию, он теперь готовился к большому турне по Азии, желая проехать её от Монголии до Индонезии автостопом.

– Ты даже никогда не спала в палатке? – ужаснулся Вадим, услышав, что я ездила лишь в отели Турции и Египта.

– Не было повода, – призналась я. – Это экстремальный отдых всё-таки...

– Да брось! – рассмеялся Вадим. – В этом нет ничего страшного. Стоит один раз съездить, и потом за уши не оттянешь!

Новый коллега долго и подробно рассказывал о своих приключениях, хвастаясь фотографиями. Кажется, он чувствовал себя новым Конюховым и был уверен, что обогнёт земной шар по крайней мере двадцать раз. Но стоило признать, что рассказывать у Вадима получалось намного лучше, чем печь блины, потому что за всю смену он не приготовил ни одной сносной олады.

Я с приятным послевкусием плодотворного рабочего дня шла к метро и насвистывала, когда услышала пробудившийся голос Алёны:

«Ты могла меньше болтать с тем придурком? Раздражает».

«В личное время делаю что хочу» – спокойно ответила я, спускаясь в метро.

«Он выглядит подозрительным, держись подальше».

«Да для тебя все выглядят подозрительными, – начала раздражаться я, впихиваясь в тесный вагон. – Ты могла бы позволить мне подружиться хоть с кем-нибудь из группы в универе».

«Не понимаю, почему тебя так тянет на бесплодные разговоры... – тоже бесилась Алёна. – Какой смысл обсуждать способ передвижения? Вы час говорили про автостоп, это же бессмысленно! Всё равно что час обсуждать процесс ходьбы. Понимаю, если поставить вопрос о феномене прямохождения в целом...»

«Ой, заткнись! Неужели ты ни с кем не общалась, когда в прошлом жила в деревне? Я думала, в сёлах все – одна семья и нельзя пройти мимо соседа, чтобы не обсудить деревенские сплетни».

«Проклятье, так и было, – чуть ли не скрежетала зубами Алёна, – и я это ненавидела».

«Неужели никогда не было человека, которого ты могла назвать другом?»

«Хм..., – задумалась Алёна, но потом равнодушно ответила, – никогда».

«Теперь понятно, почему ты такая злая... – сочувственно вздохнула я. – Послушай, я понимаю, что у тебя была непростая, горькая жизнь. Ты и голодала, наверное. Хотя я до сих пор так мало знаю о тебе... Но пойми, теперь всё иначе. Не знаю насчёт твоего века, а у нас люди нормальные по большей части. К тому же в университете мы сможем найти тебе интересного собеседника, я уверена!»

Алёна замолчала на минутку, а я обратила внимание на лицо странно смотрящей на меня женщины. Та хмурила брови и куталась в цветастый шарф, смотря мне в область рта. Я приложила руку, боясь почувствовать, что непроизвольно шевелю губами, снова болтая сама с собой. Но нет, на этот раз обошлось.

На пересадке люди плелись к эскалатору медленно, как караван беременных верблюдов по пустыне, и я думала, что не попаду домой, застряну под землёй в центре города, так и не найдя оазис.

«Ладно, поговорим завтра с кем-нибудь», – неожиданно согласилась Алёна.

Я с опаской зашла в огромную амфитеатрную аудиторию на поточную лекцию по математическому анализу, где уже сидела сотня человек и ещё столько же могло прийти. Сегодня я опасалась, что Алёна может оставить меня в самый неподходящий момент в отместку за упрямство, хотя раньше она контролировала каждый мой шаг в стенах универа, не исчезая ни на мгновение.

«Так, надо к кому-нибудь подсесть, – думала я, обращаясь к родственнице, – вон тот рыжий парень выглядит дружелюбным. По-моему, я на каждой лекции слышу, как он шутит с одноклассниками и смеётся».

«Ну нет! – возмутилась Алёна. – Будь добра подсесть к девушке».

«Тебе стоило поступать на педагога, если хотела сидеть с девушками, – я остановилась в проходе, делая вид, что не могу достать тетрадь из сумки, – а здесь их штук пять на аудиторию».

«Вон на первой парте одна! Иди к ней!»

«Я взрослый восемнадцатилетний человек и хочу поговорить с мужиком!» – твёрдо сказала я и отправилась к рыжему.

«О, боже, да ты хоть представляешь на что они способны! – паниковала Алёна. – Иди на первую парту, смотри какая там красавица сидит!»

«Шикарно, ты ещё и лесбиянка, что ли?»

Не желая слушать ответ Алёны, я громко поставила сумку на парту рыжего парня и села рядом с ним. Тот не прекратил скучающе перелистывать записи в тетради.

– Привет! – быстро сказала я, пока Алёна не начала панику.

– Угу, – буркнул тот, а повернувшись ко мне удивился, – мы знакомы?

– Илона, – улыбнулась я. – Мы в одной группе учимся на физике. Кажется... А ты?

– Петя, – кивнул тот. – Да, мы одноклассники, ты забыла? Просто ты обычно сидишь одна и...

Он как будто хотел покрутить пальцем у виска, но на полпути передумал и просто помахал рукой над головой.

– Я не всегда такая, – напряжённо рассмеялась я, мысленно проклиная Алёну. – Как тебе эта... математика?

– Нормально в принципе... – видно было, как ему неуютно на меня смотреть. Должно быть во время пар мы с Алёной действительно производили пугающее впечатление. – Хотя я учился в обычной школе, и у меня не было супер-репетиторов. Я из Тулы вообще...

– Понятно... – я от неловкости перекачивала ручку по столу, – Так ты... в общежитии живёшь?

– Ну да.

Неуклюжая пауза затянулась и не смогла закончиться, когда пришёл преподаватель и стал картаво рассказывать про какие-то распределения.

«Довольна?» – ехидно спросила Алёна.

«Это всё из-за тебя, – обозлилась я. – Для окружающих я выгляжу психом!»

«Заткнись и записывай лекцию».

Рука уже автоматически срисовывала со слайдов презентации волнообразные графики и переписывала бессмысленные буквы формул. В такие моменты я чувствовала, как засыпаю, и с ужасом ощущала, как Алёна начинает контролировать не только разум, но и тело.

– Полагаю, вы без труда ответите, каким окажется математическое ожидание дисперсии, если её величина конечна? – спрашивал препод.

«Подними руку, – приказала Алёна, и я тут же подчинилась. – И скажи, что оно тоже будет конечным».

– Да, молодой человек? – не глядя в мою сторону, спросил преподаватель.

– Оно тоже будет конечное, – повторила я.

– А если мат. ожидание равно нулю? – препод заинтересованно посмотрел в мою сторону.

«Это очевидно», – хмыкнула Алёна.

«Эй, так сколько?» – заволновалась я, понимая, что ответа ждут именно от меня.

«Да ты же такая умная, – саркастически говорила Алёна, – всё знаешь лучше меня...»

– Ноль будет, – наобум ляпнула я.

– Хорошо, – кивнул препод. – Но не рассчитывайте на автомат, мадемуазель, я их никому не ставлю.

«Ты что творишь? – кричала я внутри Алёне. – Кому из нас нужна эта долбанная учёба?»

«Меня бесит, как ты себя ведёшь» – зло сказала Алёна и замолчала.

Вдруг я увидела на своей тетради руку Пети, которая оставила маленькую записку на клочке тетрадной бумаги. Развернув её, я увидела надпись «Молодец :)». Посмотрев на парня, я широко улыбнулась, и тот то ли скривился, то ли улыбнулся в ответ. Алёна обеспокоенно ругалась в моей голове.

В столовой я снова упрямо подседа к Пете, несмотря на возмущённые мыслекрики Алёны. Я ожидала увидеть парня в окружении шумной компании, но он обедал один. И когда я собиралась спросить, где его друзья, рядом прошла компания наших одноклассников, и послышался знакомый весёлый смех.

Случился облом: я приняла Петю за другого, вечно смеющегося на парах парня, но тот прошёл мимо. А теперь я связалась с самым угрюмым студентом универа. Возможно, с самым угрюмым после меня. Или после Алёны.

– Другие места заняты? – подозрительно спросил парень, глядя как я размещаю поднос на узком столе.

– Типа того, – я плюхнулась на стул и с завистью посмотрела на дружную компанию за соседним большим столом. Кажется, я упустила случай влиться в учебный коллектив, ведь неизвестно, когда в следующий раз мне удастся пересилить Алёну, чтобы заговорить с человеком.

«Тревога по правому борту!» – непривычно взволнованным тоном закричала Алёна.

В дверях появилась девушка-штенка, к которой рьяно пыталась посадить меня родственница на лекции. Та несла поднос с тремя загруженными доверху опасно кренившимися тарелками.

«Помаши ей», – приказала Алёна, и я помахала.

Девушка заметила меня, приветливо улыбнулась и направилась к нашему столику, опасно маневрируя между людьми.

– Это вообще стол на одного... – попытался возразить Петя, когда девушка уселась с нами.

– Меня Светой звать, – весело представилась та, и я услышала непривычный для Москвы акцент. С похожими интонациями говорила Алёна, когда только-только появилась у меня в голове.

– Я Илона, а это Петя, – попыталась тоже улыбнуться я.

– Вы же из группы ядра, да? – живо поинтересовалась Света, очевидно имея в виду ядерную физику, но точно могла сказать лишь Алёна. – А я с меда.

«Здесь есть медицина? – удивилась Алёна. – Спроси её, что тогда она делала на лекции по матану?»

– Ого, – попыталась передать удивление родственницы я. – А зачем тогда вам, медикам, метан?.. Мутант?..

– Называйте по-человечески это «математическим анализом», – закатил глаза Петя. – Бесят эти сокращения.

– Я же не чистый медик, я с направления медицинской физики, – ответила Света. – Будем учить всякие методы диагностики, типа МРТ. А пока наша обязательная программа как у вас. Но честно говоря, я не знаю, зачем мне алгебра, только мозг пухнет...

Света изобразила, как у неё взрываются мозги и капают на тарелку Пети. Последний не оценил юмор и придвинул еду ближе к себе.

«Скажи, что это очень круто!» – воодушевлённо талдычила в голове Алёна.

– Круто, – без особого энтузиазма произнесла я, а затем обратилась к Пете. – Почему ты решил поступать сюда?

– Физику люблю, – коротко ответил тот, и откусил полкуска хлеба, показывая, что не настроен общаться.

«Спроси, изучают ли они влияние радиации на простейшие микроорганизмы» – сказала Алёна.

– Вы изучаете влияние радиации на простейшие микроорганизмы? – спросила я у Пети, и тот снова уставился на меня как на ненормальную.

«У Светы, дура! – кричала внутри родственница. – Мы никакие микроорганизмы не проходим!»

– То есть... – растерялась я, поворачиваясь к девушке.

– Я поняла, – по-доброму рассмеялась та, – пока что не изучаем, но в будущем должны. Нам говорили, что даже будет возможность поехать в Японию...

– Отаку! – вдруг оживился Петя, радостно хлопнул в ладоши и во все глаза уставился на Свету.

– Чего? – не поняла та.

«Чего?» – тоже не поняла я.

«Отаку – это фанаты аниме, – с отвращением проинформировала Алёна, – конченные люди».

– Я тоже люблю аниме, – соврала я, улыбаясь Пете.

– Дай пять! – тут же обратил на меня внимание Петя и дал пятачку. – Какой любимый тайтл?

«Чего?» – снова обратилась я за помощью к Алёне.

«Я тебе с этим помогать не собираюсь! Спроси у Светы, откуда она родом!»

– Что там в последнее время выходит из аниме? – поинтересовалась я у Пети, решив посмотреть пару мультв ночью.

– Онгоинги я сейчас не смотрю, дел много, но летом вышла пара крутых сенёнов...

«Ты издеваешься надо мной? – кричала Алёна так, что я не разбирала речь Пети. – Света сейчас вообще уйдёт!»

– Покемоны считаются за аниме? – включилась в разговор Света. – Тогда я тоже люблю.

– Ну не-е-ет, – искренне ужаснулся Петя, – это детское развлекалово, а не аниме!

– А это, как его... – Света щёлкала пальцами, вспоминая, и когда поняла, что неловко долго тупит, изобразила танец с кастаньетами. – Вспомнила! Самурай Джек! Крутое аниме.

– Это не аниме! – стукнул по столу Петя, ойкнул и потёр запястье. – Это американский мульт, жалкая пародия на аниме!

«Как я до такого докатилась...» – жаловалась Алёна.

– Да какая разница, там же про самурая, – со смехом пожала плечами Света.

«Вот именно! – воодушевилась родственница, – Скажи, что она правильно говорит».

– Ну да, – равнодушно сказала я.

Петя готов был разразиться праведным гневом отаку, но прозвенел звонок, и мы разлетелись на пары. Сидя на следующих парах, я пыталась с помощью интернета расшифровать слова, произнесённые Петей. Поэтому я не успела списать пару формул с доски, за что получила настолько гневную тираду от родственницы, как будто успела воскресить и обратно убить всех птиц додо.

На подработке новенький Вадим схватывал искусство блинопекаря на лету, удивительно высоко поднявшись над уровнем своего первого рабочего дня. В этот вечер мы вдвоём дежурили на кухне за соседними плитами, и за всю смену он порвал лишь один блин.

– Круто справляешься, – искренне похвалила я парня, замешивая тесто для следующей партии оладьев.

– Спасибо! – расплылся в улыбке Вадим, будто и не стоял за плитой седьмой час. Он утёр пот краем поварской шапочки и вылил тесто на сковороду. – Как учёба?

– Потихоньку...

– Сопромат уже штудируешь? Помню, меня на нём и завалили...

Я понятия не имела, что такое сопромат, и честно говоря, иметь не хотела, но зато давно научилась делать умный вид и врать на тему учёбы.

– Да, это жуть, – с ужасом сказала я.

Менеджер прикрикнул на нас за разговорчики в строю, и мы продолжили тише.

– Так когда ты собираешься в кругосветку по Азии? – спросила я.

– М-м-м, не знаю. Как денег подкоплю. Но я уже начал делать визы! Думаю, по весне отправиться. Не хочешь со мной?

– Ха-ха, это слишком, – рассмеялась я.

Представив истерику Алёны, если бы я решилась покинуть её любимый и обожаемый универ и отправиться вместо этого бомжевать и автостопить в Азию, я поняла, что проще повеситься.

– Зря ты так, – вздохнул Вадим. – Учёба эта, наука... Она же не даёт радости. А зачем жить без неё? В детстве я считал, что стану отпадным инженером, научусь изобретать изобретения, построю машину времени и изъезжу Землю по всех временах. Позже я понял, что машин времени не бывает, но зачем-то всё равно попёрся на инженера. К счастью, я рано понял, что путешествовать можно и без машины времени и без большого запаса денег. И скажу я тебе с высоты своего возраста... возраста, на целый год больше твоего, что путешествия лучше сопроматов и физик. Ты думаешь, что найдёшь смысл жизни, но нет, ты не там ищешь.

Я вздохнула, вспоминая, как пыталась раньше втолковать Алёне примерно то же самое, но она не слушала. В рабочие часы родственница не появлялась, и сейчас я даже жалела об этом: быть может, слова Вадима повлияли бы на её непримиримый характер.

– Ты едешь один? – спросила я.

– Изначально один, но в пути обзавожусь кучей друзей! – улыбнулся Вадим. – У меня есть знакомые в Питере, Сочи, Казани, Новосибе, да везде! Такие же путешественники, у которых я могу перекантоваться одну ночь между точками маршрута.

– Звучит заманчиво, – я капнула масла на раскалённую сковороду, и оно, моментально вскипев, обожгло мне руки.

– Моё предложение действует до весны, так что подумай, – серьёзно сказал Вадим.

– Но мы же толком не знакомы, – нахмурилась я.

– Ты не узнаешь человека, пока не увидишь его в пути. Так у нас говорят.

В отличие от Вадима я могла многое понять о человеке по тому, как он переворачивает блины. Спокойные люди поддевали блин одной лопаткой, а переворачивали второй, аккуратно орудуя обеими руками. Вадим же резким движением срывал недопёкшийся блин со сковородки и подкидывал его на полметра, пытаясь поймать сковородой над полом. Получалось не всегда.

«У меня, блин, нет слов», – это были первые слова Алёны, стоило мне выйти с подработки.

«Иди к чёрту».

«Сначала она флиртует с незнакомым хмырём в универе, а потом обещает сбежать с коллегой».

«Почему ты так извращаешь мои слова? Я всего лишь болтала с ними обоими и с твоей обожаемой Светой».

«Просто болтала, говоря, что хочешь бросить учёбу, взять палатку и питаться подножным кормом в Азии, тупея от голода?» – кричала Алёна.

«Я ничего из этого не говорила! Но ты бы подумала, на что тратишь время! На сплошную зубрёжку!»

«Вот именно, думать буду я. Ты пообещала принимать любое моё решение».

«Не помню такого обещания!»

«И знаешь, что я решу сейчас? – не услышав меня, продолжила Алёна – Что ты увольняешься и ищешь другую работу».

«Что? – я схватилась за голову от возмущения, – Почему?»

Мы вышли на улицу, и я широкими шагами бежала к метро, пытаясь выплеснуть в ходьбе злость на упрямую, как ослица, родственницу.

«Потому что Вадим может плохо на тебя повлиять».

«Боишься, что я перестану учиться? Знаешь, а я ведь могу тебя этим шантажировать» – злодейски усмехнулась я.

«У тебя не хватит духу ни бросить учёбу, ни отправиться в чужую страну, ни послушаться меня», – спокойно сказала Алёна.

Увы, я поняла, что родственница права.

«Ты ничего в жизни не решала, – продолжила Алёна. – В детстве за тебя всё решали родители, в школе все хобби ты заимствовала у тупой Саши, а теперь всё решаю я! Ты такая тупая, что не прошла бы тест Тьюринга!»

От осознания, что я не в курсе кто такой Тьюринг и что за тест носит его имя, стало ещё обиднее.

«Серьёзно, приведи мне хоть один пример самостоятельного решения, – с садистским удовольствием не унималась Алёна. – О, погоди, я помню! Ты сама решила, что мы сегодня готовим спагетти».

«Не будем мы сегодня их готовить!» – почти взрывалась я.

«Упс! И это твоё решение я смогла изменить! Ты простая, как программа, написанная первокурсником. Знаешь, я никогда не программировала, но уверена, что напишу более утончённый искусственный интеллект, чем твой мозг».

Тёплые слёзы стекали по лицу, как первые весенние ручьи, и я села на лавочку возле входа в метро, боясь спуститься в таком виде.

Алёна была права, права во всём! Я всю жизнь плыла по течению, и лишь Алёна разнообразила моё жалкое существование...

«Уволься завтра и никогда больше не говори с Вадимом, он мерзкий тип... Ну-ну, не плачь, дорогая, это всё для тебя... Пожалуй, я разрешу тебе разговаривать с Петей из университета. Он больше похож на девушку, чем Вадим».

– Спасибо... – прошептала я и высморкалась в платок.

Алёна никогда не рассказывала о своей жизни в деревне, а я перестала спрашивать, поняв, как её выводят из себя вопросы о прошлом.

Но порой я видела сны Алёны. Или это были мои сны о её жизни, тут сложно сказать. Обычно всплывали мрачные картины, стирающиеся из памяти наутро, и я не могла ухватиться хоть за одну нить из клубка сна, чтобы распутать его после пробуждения.

Однако этот сон явился неожиданно чётким. Если прошлые сны Алёны я смотрела словно через мутное стекло, то этот – через увеличительную линзу.

– Эй, жена, почему рубаха не заштопана? – слышит Алёна крик из соседней комнаты.

Со страхом хватает она длинную потёртую рубаху с лавки, трясущимися руками ищет иглу, нити, лоскуты на заплатку. В углу висит люлька, в ней кричит ребёнок, но Алёна не отвлекается. Я чувствую, как быстро стучит сердце в груди родственницы, будто после трёх километров бега.

– Черти тебя задери! – влетает в комнату высокий мужчина, обнажённый по пояс. Тело блестит от пота, волосы на груди скатались в комки, руки покрыты ссадинами от тяжёлой работы. – Коли ты и не начала?

– Так ты доселе не просил... – слышится едва различимый голос Алёны, прижимающей рубаху к груди.

– Я должен просить?! – кричит мужчина, и его лицо наливается кровью. – Просить тебя!? Это твой позор, а не мой, коли я, твой муж, в рваной рубахе на люди пойду!

– Но Архипушка... – шепчет Алёна, – разве же моя вина, коли бурёнки наши хворают, а я за ними хожу? Мор ведь скотский в деревнях...

– Ах тебе корова дороже мужа?!

Архип подбегает к Алёне, вырывает рубаху из её онемевших рук и бьёт каменным кулаком по лицу. Я, кажется, слышу хруст кости и чувствую, как Алёна падает головой на кровать.

– У других жёны не ропщут на скотину! – орёт Архип, разрывая рубаху пополам. – У других держат мужей в чистом да в штопанном!

Алёна сползает на пол и закрывает руками лицо, так что я ничего не вижу. Но ткань продолжает рваться, и я догадываюсь, что мужчина превращает рубаху в лоскуты.

– Взял тебя, старую девку, замуж, а толку, как от козла молока! Ни харчей вкусных наварить, ни хату чисто прибрать, ни сына родить! Три лета понести не могла, и то девчонку мне сделала!

Я чувствую, как Алёна уползает в угол по деревянному полу, но вдруг рука хватается её за ногу и тянет обратно.

– Куда собралась? – рычит Архип.

Алёна открывает глаза, и я вижу, как над ней нависает муж и тянет руки к шее. Вот он хватается жену за горло и начинает трясти, ударяя лежащую Алёну об пол.

– Арх... – пытается говорить Алёна, хватаясь за израненные работой на поле руки мужчины. – Архи... Хата убрана... Харчи сварены... Пусти... Убьёшь...

Архип скалится довольной улыбкой и роняет Алёну, которая вновь ударяется головой об пол. Он громко топает ногой у её лица, словно намереваясь наступить, и когда жена начинает дрожать и плакать, весело смеётся и уходит.

– Заштопай к ужину! – кричит он напоследок и кидает в Алёну лоскуты, оставшиеся от рубахи.

Алёна лежит на холодном полу, содрогаясь от рыданий. Я чувствую, как болит голова, как саднит израненная шея. Всё время кричит ребёнок в люльке.

Снова хлопает входная дверь, и Алёна сжимается комочком, боясь, что вернулся муж, но в комнате появляется молодая девушка, я вижу её через всклокоченные волосы на лице родственницы. У вошедшей такие же густые чёрные волосы, как у Архипа, но они собраны в тугую косу, непокрытую платком, как у каждой незамужней девки.

– Алёнушка! – девушка бросается на пол. – Снова брат дрался? Господь Иисус и двенадцать апостолов!

Чувствую тёплую руку на раскалывающейся голове.

– Прости его ради бога! – плачущим голосом молит девушка. – Прости, он ведь не со зла!

– Как... как же такое... и не со зла... – неузнаваемо хриплым голосом шепчет Алёна.

– Ох, я из родительских комнат услышала, как он дерётся! – плачет девушка. – Ох, подумала, убьёт теперь Алёнку точно! Помешала бы, так он и меня убьёт!

Алёна то ли кашляет, то ли горько смеётся. Она едва поднимается на локти, и девушка помогает ей сесть на кровать. Алёна прилегла на подушку, а незнакомка подошла к люльке и стала качать ребёнка, тихо напевая колыбельную. Она корчит весёлые рожицы сквозь слёзы, пока дитя не успокаивается.

– Танечка... – тихо говорит Алёна, и девушка поворачивается. – Только тебя он и не убьёт... Только тебя он и холит, и лелеет... Ты ангел, пред которым даже дьявол убоится зла...

Таня садится рядом с Алёной и кладёт тёплую ладонь той на голову. Наверное, лицо Алёны заплыло от побоев и ран, но Таня искренне улыбается ей, стирая слёзы сначала со своего лица, а потом – с Алёниного.

– Мама говорит, к старости мужик добрее, – ласково шепчет Таня. – Потерпи, пожалуйста.

– Мочи больше нет, – хрипло шепчет Алёна.

На улице кричит петух и завывает ветер. Алёна поднимается на непослушных руках и опирается о стену, садясь рядом с Таней. Та ласковым движением кладёт голову Алёны себе на плечо, глядя, как ребёнка. Она продолжает напевать мотив колыбельной, которую только что пела ребёнку.

– Некому будет утешить меня, когда ты замуж уйдёшь, – говорит Алёна, пока Таня продолжает тихо петь. – Только из-за тебя я и держусь живой на свете. Уйдёшь, Архип сразу прийдёт...

Я чувствую, как горячие капли стекают на болящую макушку родственницы и как тело Тани содрогается от сдерживаемых рыданий.

– А прийдёт, и слава богу, – тихо продолжает Алёна, – мне и так жизнь не мила, хоть в аду от брата твоего передохну.

– Не говори так, – останавливает песню Таня. – Не говори! Он хороший! Все люди хорошие, так батюшка в церкви говорит.

– К дьяволу батюшку...

– Господь с тобой! – Таня отклоняется от Алёны, и на рукаве её сарафана остаётся кровавое пятно. – Подумай, что говоришь, сестрица Алёнушка! Батюшка запретил имя падшего всуе произносить!

– Архип то и дело меня к лукавому посылает... Словами и кулаками.

– Архип муж твой, ты должна его слушаться! Так Господь говорит.

Алёна сжала кулаки, и я почувствовала хруст пальцев и скрип зубов. Ни сейчас, ни прежде, никогда – я была уверена, что никогда не чувствовала столько ненависти и обиды, сколько чувствовала Алёна в то мгновение.

– Ненавижу! – зло шепчет сквозь зубы Алёна. – Ненавижу! Архипа ненавижу, батюшку ненавижу, Господа ненавижу!

– Окстись! – взмаливается Таня, подпрыгивая и вскакивая с кровати, отбегая от Алёны, как от чумной.

– И тебя ненавижу! – Алёна указывает на Таню трясущимся от злобы пальцем. – Ненавижу за то, что прощаешь его! И меня заставляешь прощать!

Алёна резко встаёт с кровати, делает шаг к испуганной Тане, но, почувствовав прилив боли, валится на пол. Она продолжает биться в бессильной и оттого более всего мучительной ненависти, а Таня наклоняется над ней и снова гладит по голове, как дитя.

– Тише-тише... – говорит Таня. – Всё пройдёт, всё наладится. Алёнушка, я люблю тебя, так же, как Архипа. Так же, как дорогую сестрицу. Алёнушка, ты ведь тоже любишь меня?

– Да... – через слёзы шепчет Алёна.

– Пожалуйста, сестрица, прости Архипа не ради него, а ради меня...

Пальцы Алёны впиваются в пол, скребут по нему, и опилки входят под ногти, уже не причиняя никакой боли.

– Хорошо, Танечка.

Говорили ли они о чём-то ещё, плакали ли о чём-то ещё – не помню. Помню только, как я проснулась посреди ночи с красным от злости и разочарования лицом, почувствовала адскую головную боль и удушающую тошноту и едва успела добежать до туалета перед тем, как меня стошнило.

Глава 4

Очевидно, этот предмет был менее нужен студентам, потому что вместо обычных двухсот человек потока в огромной амфитеатрной аудитории собралось вдвое меньше. Знать бы, что за предмет...

– Илона! – услышала я знакомый весёлый голос.

С первого ряда мне махала рукой радостная Света, и теперь было неловко садиться в другое место. К тому же и голос Алёны вопил мне скорее тащиться в низ аудитории. Парта Светы представляла собой сосредоточение хаоса: тетради-блоки с разноцветными листами, несколько раскрытых учебников, а также зеркальце, пудра, тушь и помада.

– Не успела дома, приходится на первой паре, – неловко улыбнулась Света, нанося пудру на щёки. – Смотри, там Петя!

На верхних рядах появился рыжий парень, опасливо оглядывая зал, словно боясь, что из-под парт сейчас выскочат волки. Увидев нас, он скривился так, что я сама себя почувствовала волком.

– А он не супер общительный, да? – усмехнулась Света. – И как вы с ним только подружились?

Мы с ним вовсе не подружились, но теперь я махала рукой Пете, и тому, видимо, тоже казалось неприличным садиться на другой ряд. Удивительно, но Алёна даже не вопила, когда Петя сел рядом. Кажется, некоторые обещания скандальная родственница выполняла.

– Вы начали делать курсач? – вместо приветствия спросил парень.

– Да! – с ужасом ответила Света. – Я даже не смогла посчитать, сколько звеньев в механизме! Полночи ломала голову над растяжением нити, пока не увидела в условии, что она недеформируемая и нерастягиваемая! У вас, кстати, какие варианты? У меня одиннадцатый.

«Чёрт! – подумала Алёна. – У меня седьмой».

– Седьмой, – сказала Петя, – как хокаге.

«Понятия не имею что это», – опередила мой вопрос Алёна.

– Ух ты, у меня тоже! – обрадовалась я. – Может, это... сверим решения?

«О нет...» – простонала Алёна.

– Я только начал, – Петя покопался в портфеле и извлёк мятый, сложенный в четыре раза тетрадный лист, – но вот, посмотри...

Уставившись на чертёж из нескольких колёс, блоков и колец, каждый из которых испускал в разные стороны стрелки и формулы, я нервно сглотнула. В углу листа нашлась пометка «Курсач – механика», написанная ровным округлым почерком. По крайней мере, я поняла на какой лекции сижу.

«Что думаешь?» – спросила я Алёну.

«Не собираюсь помогать твоему хахалю, хоть у него и ошибка», – злым голосом думала Алёна.

«Где ошибка?»

«Ха! Ладно, подскажу, если дашь посмотреть Светину работу».

– М-м-м, Света... – обратилась я к красящейся девушке, – а дашь посмотреть твой вариант?

– Зачем? – удивилась та и случайно мазнула помадой по щеке. – Там совсем другой чертёж.

«Блин, как мне ей объяснить-то?» – злилась я на Алёну.

«Придумай», – просто буркнула та.

– Чем-то точно похоже, это же один предмет, – коряво рассмеялась я и покосилась на лист Пети, проверяя название, – механика...

– Ну пожалуйста, – девушка протянула распечатанный вариант задания и исписанный от руки лист с грязным чертежом, нарисованным гелевой ручкой.

«Угу-угу... – думала Алёна, когда я положила два листка рядом и уставилась на них, не моргая, надеясь, что так родственница сообразит быстрее. – Скажи Свете, что, во-первых, неправильно рассчитан радиус первого блока, во-вторых, не учтено, что третий блок подвижен, в-третьих, не указано, что на груз А действует сила натяжения нити...»

Механически повторяя слова Алёны, я краем глаза увидела, как Света отложила косметику и открыла рот от удивления.

– Эй, а с нашим вариантом что?.. – перебил меня Петя.

– Уау! – вскрикнула Света, так что люди с других рядом усталились на нас. – Ты впервые увидела мой вариант?

– Ну да, – пожала плечами я.

– Так, подожди, – Света отобрала свой чертёж и взяла ручку. – Повтори!

Пока мы втроём со Светой и Алёной исправляли чертёж, уже пришёл преподаватель. Петя резко выхватил свой лист, убирая обратно в рюкзак и не смотря на меня.

«Блин, из-за тебя он подумает, что я хамка, – думала я. – Так сложно сказать, где у него ошибка?»

«Ты невыносима, – вздохнула Алёна. – Скажи ему, что между блоками четыре и пять неправильно учтён третий закон Ньютона. Не маленький, поймёт».

Я написала слова Алёны в заметках на телефоне и подсунула его Пете. Тот удивлённо нахмурил брови, достал чертёж, почесал голову и что-то исправил. Стерев заметку на моём телефоне, он добавил новую «Спасибо :)» и вернул аппарат мне.

На подработку я шла с мерзким предчувствием, с каким идут к стоматологу.

«Просто подойди к менеджеру и скажи, что увольняешься, – думала Алёна, – твой контракт позволяет не отрабатывать две недели».

Мне хотелось напомнить Алёне, что по нашему уговору она не пристаёт ко мне во время подработки, но я боялась, что не справлюсь без неё. Уже пообещала уволиться, отступить поздно...

На кухне со мной дружелюбно поздоровался Вадим, а я почувствовала кислую тошноту и вдруг вспомнила о сне Алёны. Вадим едва ли походил внешностью на Архипа и точно не был схож с ним характером, но вдруг мне стало так страшно, что захотелось убежать.

– Что решила насчёт путешествия? – крикнул мне Вадим с другого конца кухни, но отведя взгляд, я скрылась в кабинете управляющего.

Менеджер не удивился и не уговаривал остаться: текучка для фаст-фудов обычное дело и за сотрудников никто не держится. Он моментально подписал указ, сказал, что остаток зарплаты придёт на карту завтра, и отпустил на четыре стороны.

– Что-то случилось? – поймал меня на выходе из кабинета Вадим.

– Уволилась, – вроде бы улыбнулась я.

– Почему? – сильно удивился Вадим и снял поварскую шапку, чтобы протереть потную голову салфеткой.

«Ну и мерзость», – услышала я мысли Алёны.

– Просто... нашла другое место, – соврала я.

– Вот как... – Вадим сложил руки на груди и явно не знал, что сказать.

Сердце билось как от страха, хотя я и понимала, что опасности нет. Обычное прощание с коллегой перед увольнением, ничего необычного. Но образы сна-воспоминаний Алёны преследовали меня до тошноты, и мне мерещилось, что вот-вот Вадим замахнётся на меня и ударит.

– Я пойду, пожалуй, – тихо сказала я и стала пятиться.

– Подожди! – воскликнул Вадим и положил мне руку на плечо.

От страха я больно ударила его по ладони и отскочила на пару шагов. Это заметили другие повара на кухне и с непониманием уставились. А на лице Вадима читалась несправедливая обида, будто он был ребёнком, обманутым взрослым.

– Прости, плохо себя чувствую... – якобы закашлялась я, – не хочу заразить.

– А-а-а, я уж подумал... – заулыбался Вадим. – Добавишься в Контакте? Расскажешь потом о новой работе!

«Нет!» – крикнула Алёна.

Меня разрывали воспоминания о страшном сне, приказывающие уйти мысли Алёны и стыд перед Вадимом, ведь он оказался ни в чём не виноват. Я медленно отступала к двери кухни, бросив перед тем как уйти Вадиму:

– Окей.

Жизнь текла тихо и спокойно, а я окончательно с ней свылась. Придирки Алёна можно было спокойно стерпеть, особенно если выполнять всё, что она просит, максимально быстро. Когда не споришь с Алёной, она кажется безобидной, как кобра, пригревшаяся на солнышке.

По уговору я нашла новую подработку, и теперь служила в кассе кинотеатра. Понадеявшись на бесплатный просмотр всех новых фильмов, я была жестоко разочарована Алёной, которая тащила нас домой сразу же после смены делать домашнее задание и изучать то, что было максимально не похоже на домашнее задание факультета физики, вроде классификации туркменских языков.

Холодало, снег завалил подход к универу, и на уроках физкультуры мы чистили дорожки на территории вуза. На каждом подобном уроке приходилось выслушивать бесконечные причитания Алёны о ненависти к ручному труду.

«Это оскорбление моего интеллекта, – думала Алёна, пока я сгребала снег в кучу под ёлкой. – Университет собрал лучших из лучших в России, и для чего? Чтобы мести мусор?»

«Тогда просто уйди из моей головы», – ответила я.

– Не понимаю, почему мы должны этим заниматься, – тихо ругался Петя, сгребая снег под соседнее дерево.

«Раз в год и у палки умные мысли бывают», – ехидно сказала Алёна.

– Если бы я хотел страдать, то пошёл бы в армию, а не в универ, – продолжал Петя, кажется, не замечая меня.

– Говоришь сам с собой? – спросила я, выглядывая из-за заснеженной ветки ёлки.

Петя вздрогнул и с подозрением уставился на меня. Удивительно, но я не разу не видела, чтобы он говорил с кем-нибудь из группы. Очевидно, его общение со сверстниками ограничивалось сверкой решений задач со мной и Светой на общих лекциях и иногда во время обеда. Но мне ли его обвинять, если я тоже разговаривала лишь с ними двумя, игнорируя всякие КВНы и конкурсы, изобильно проводящиеся в стенах вуза. Кажется, у нашей группы даже была своя команда КВН, вокруг которой объединилась большая часть коллектива, оставив нас с Петей за бортом.

– Ты вообще-то на семинарах считаешь вслух, – нахмурился Петя.

– Зачем? – удивилась я. – Разве я не на калькуляторе считаю?

– Ты меня спрашиваешь зачем? – парень стал сгребать снег агрессивнее. – Я имею в виду, ты все формулы проговариваешь.

«Алёна, ты обалдела?» – подумала я.

«Рот-то твой», – спокойно ответила та.

– Мне так проще... наверно, – сказала я, чувствуя, как на шапку осыпается снег с ёлки.

Я сняла шапку, чтобы вытряхнуть, но в этот момент подул ветер, и на меня обрушился целый сугроб, упавший с веток. Петя заржал и стал меня то ли фотографировать, то ли снимать на видео.

«Придуток», – подумала Алёна. А может быть, и я.

Отсмеявшись, Петя помог мне отряхнуться от снега. Я взглянула на его лицо вблизи и вдруг осознала: Петя неожиданно красивый, прямо дух захватывало. Быть может, я давно носила неправильные линзы в очках, раз не замечала какие глубокие и зелёные глаза у Пети...

«Убейте меня, пожалуйста!» – услышала я вопль Алёны в голове и закашлялась.

– Ты болеешь? – с волнением спросил парень.

– Да нет, – ответила я, не отрывая взгляда. – Снег в горло попал.

– Скажи физруку, пусть хоть тебя отпустит, – печально вздохнул Петя и продолжил грести снег, – а то придут шинигами за тобой.

– Наверно, – улыбнулась я, не понимая о ком речь.

Алёна кричала и ругалась, и мне пришлось отойти от Пети, чтобы продолжить грести снег к максимально далёкой от парня ёлке.

Я добавила Вадима в друзья в Контакте, как и обещала, но мы не переписывались, а только лайкали записи друг друга.

По его фотографиям стало ясно, во скольких уголках России он побывал и во скольких прочих странах. Каждый месяц появлялись фотографии палаток, разбитых посреди заснеженного леса или рядом с безлюдной заправкой. Часто возникали комментарии людей, с которыми Вадим познакомился в пути, или его собственные рассказы об удивительных попутчиках вроде цирковых артистов и экологов-активистов, едущих автостопом спасать морских котиков на Камчатку.

Суля по всему, Вадим уволился из того фастфуда, где мы работали, и не успев скопить достаточно денег, отправился в Монголию. Сможет ли он оттуда осуществить турне по Азии или не сможет – время покажет.

Жизнь Вадима казалась не настоящей, как будто у него не было Алёны, вечно талдычащей об учёбе, учёбе, учёбе... Но я не представляла, как другие без неё обходятся.

За обедом я жевала курицу за одним столиком с Петей и Светой, читая собственный конспект по какому-то предмету. Я тупо смотрела на кубы, эллипсы и векторы, пока Алёна не командовала перелистывать страницу.

– Что это у тебя? – спросила меня Света, заваривая чайный пакетик в пластиковом стакане.

«Аналитическая геометрия», – подсказала Алёна.

– Аналитическая геометрия, – повторила я.

– Выглядит мерзковато, – скривилась Света, – но примерно так же, как коллоидная химия, которой меня только что пичкали.

– Зачем ты вообще здесь, если геометрия выглядит мерзковато? – угрюмо спросил Петя.

– «Зачем-зачем...», – передразнила его недовольный тон Света. – Затем, что это прикольно! Я с детства фантастику люблю и вообще-то хотела строить роботов...

– Как из Евангелиона? – загорелись глаза Пети.

– Не знаю, что это, – пожала плечами Света. – И я подавала доки на робототехнику в Бауманку, но прошла по баллам только на медицинскую физику сюда.

«Спроси, что она будет делать после выпуска!» – приказала Алёна.

– А что потом делать будешь? – спросила я.

– Не знаю пока, – беззаботно махнула рукой Света. – А вас двоих как сюда занесло?

«Скажи, что мы искали таких же умных людей как она!» – кричала Алёна.

«Умных? – удивилась я. – Ты же ей домашку по всем общим предметам делаешь, нет?»

«Если сравнивать с тобой, она гений! Ладно. Скажи, что мы здесь ради поиска... смысла».

– Тоже думаю, что это прикольно, – перевела я слова Алёны на человеческий язык.

«Да пошла ты», – обиделась Алёна.

– Я хочу заниматься астрофизикой, – внезапно сам заговорил Петя. – Я слышал, в Германии можно бесплатно получать мастера. Ну, степень магистра по-нашему. Там есть программы на английском, в том числе и по астрофизике. А потом остаётся пробиться в организацию Европейской Южной Обсерватории и работать на их телескопах в Чили!

«Да он за всю жизнь столько слов не говорил, – усмехнулась Алёна. – Спроси, он имеет в виду Паранальскую обсерваторию?»

– В Паранальской обсерватории, например? – буднично спросила я, будто всю жизнь только об этом непонятном названии и думала.

– Разумеется, она самая лучшая! – искренне восхищался Петя. – У них же есть VLT!

– Телескоп с самым оригинальным названием Very Large Telescope? – рассмеялась Света.

«Вот видишь, какая она умница!» – восхищалась Алёна.

«Но Петя же первый про эту виэльти-хрень сказал...» – защищала справедливость я.

– А вы видели фотографии оттуда?! – воскликнул Петя.

Он достал телефон и открыл папку, полностью заполненную фотографиями чилийской обсерватории. Огромные серые купола стояли на вершине пустынной оранжевой горы, а вдалеке виднелся океан. На следующем снимке в зеркальных защитных щитах телескопов отражался розовый закат. На следующем – комплекс обсерватории покоился под ясным звёздным небом, а в уголке панорамы виднелся падающий метеорит.

– Какая красота! – сказала я. – Прямо мечта!

– Это и есть моя мечта, – искренне улыбнулся Петя, и это, кажется, был первый раз, когда он улыбался не натянуто.

«Смотри, как красиво, Ба! – говорила я Алёне. – Ты не хочешь туда же?»

«Я больше склоняюсь к теоретической физике», – упрямо хмыкнула та.

– Туда же, наверно, очень сложно попасть, – присвистнула Света, глядя на фотографии.

– Да, конкурс бешенный... – вздохнул Петя. – Но есть ради чего стараться.

В Инстаграме Вадима появилась фотография на фоне заснеженных Гималаев. Он стоял в распаханной куртке, окружённый компанией новых друзей, и все улыбались так весело, будто их щекотали подмышками. Рядом с фотографией Вадим написал: «Удачи всем студентам на сессии!»

«Закрой эту грёбанную вкладку браузера и верни мою!» – ругалась Алёна.

Я закрыла Инстаграм и вернулась к лекции, которую смотрела родственница. Сейчас мы готовились к сессии, и Алёна зачем-то смотрела лекции из других вузов, часто на других языках. Может быть, теперь она знала не только английский?..

«Записывай» – приказала Алёна, и я копировала символы из Ютуб-презентации.

Через несколько часов просмотра лекций, чтения конспектов, решения задач и разбора экзаменационных билетов, Алёна объявила:

«Ты в курсе, что экзамен по матану только наполовину письменный? Тебе придётся отвечать темы из билетов».

«Сделаем, как на всех семинарах, – спокойно ответила я. – Ты диктуешь, я повторяю».

«Слишком медленно! Преподы и так смотрят на нас, как на умственно отсталых, когда ты думаешь по минуте над каждым предложением. Если бы ты хоть что-то понимала в предмете...»

«Ну, нет, я этой хренью заниматься не намерена!»

«Это единственный способ сдать на отлично! Открывай конспект и читай!»

Я раскрыла тетрадь, уставилась на собственный почерк, но осмысленными каракули не становились.

«Что здесь написано?» – как у маленькой спрашивала Алёна.

«Теорема Тейлора».

«Прекрасно, буквы ты знаешь. Саму формулу прочитать можешь?»

«Перевёрнутая А от икс нулевого... перевёрнутая Э... Пэ эн икс равно большой Зэ...»

«Всё понятно, – вздохнула Алёна. – Не представляю, ты же сама всё писала! Открывай первую страницу».

Я перелистнула затёртую тетрадь в начало и послушно зачитала:

«Основная теорема анализа. Формула Ньютона-Лейбница. Ну, фамилии знакомые».

«Прекрасно. Теперь скажи, ты в курсе что такое дифференцирование и интегрирование?»

«Ну...» – чесала я затылок, честно пытаюсь вспомнить.

«Производные из школы помнишь?»

«Там всякие правила были...»

«Понятно, – злее вздохнула Алёна. – Слушай внимательно. Берём график $y=S(t)$, это график положения как функция от времени. На графике парабола, берём из каждой точки производные, получаем постоянно возрастающую прямую, и вот у нас второй график, уже скорости как функции от времени $S'(t)=v(t)$...»

Я держалась за виски, пытаюсь понять Алёнину тарабарщину. Она могла бы объяснять и азбукой Морзе, в которой я разбиралась лучше, чем в математическом анализе, зная единственный сигнал СОС.

«Чтобы найти площадь трапеции, – продолжала Алёна, – построим бесконечное количество прямоугольников, площадь каждого из которых равняется v умножить на дельта t ».

«Я должна буду построить перед преподами бесконечное количество прямоугольников?...» – не поняла я.

«Заткнись! Ты просто воспользуешься левой суммой Римана для доказательства формулы Ньютона-Лейбница и найдёшь её предел при n , стремящейся к бесконечности».

«И правда, как я могла не догадаться! – стукнула по столу я. – Алёна, я никогда не занималась твоим чёртовым мат. анализом! Нет смысла грузить меня им за три дня до экзамена, лучше готовься сама!»

«Я знаю, что делаю, понятно? – строго сказала Алёна. – И если я говорю, что тебе нужно выучить чёртову теорему Ньютона-Лейбница, то ты её выучишь!»

Ударившись головой о стол, я громко застонала, чем вызвала беспокойство мамы.

– Всё в порядке, дочка? – опасно заглянула она в мою комнату.

– Да, – вымученно улыбнулась я, – к сессии готовлюсь.

– Ты большая молодец, у тебя всё получится! – подняла большие пальцы мама и широко улыбнулась. Хотелось бы мне быть такой же беззаботной.

Наступил день экзамена, и сегодняшнего дня я боялась больше всего. Предыдущий экзамен по аналитической геометрии прошёл легко, потому что был полностью письменным, и мне приходилось лишь следовать инструкциям Алёны. Мы получили «отлично», а помимо этого уже сдали все зачёты, так что родственница предавалась мечтам о красном дипломе, пока я глотала ромашковый чай, едва справляясь с бессонницей.

– Шпоры делали? – спросила Света в коридоре перед аудиторией у меня и Пети.

– Да, по всем вопросам, – Петя показал на огромные не по размеру штаны с нереальным количеством карманов. – Одолжил походные штаны у товарища по общаге.

– У меня тоже все есть! – Света задрала длинную юбку почти до трусов, приковав внимание всего коридора. – На правой ляжке билеты с первого по пятнадцатый, на левой – с шестнадцатого по тридцатый.

«Срам-то какой! – возопила Алёна внезапно вернувшимся деревенским говором. – Прикрой её!»

– Света, все смотрят... – тихо сказала я подруге.

– Да пускай, – Света спокойно расправляла юбку обратно, – иначе зачем я пошла в технический универ?

Света действительно становилась популярной особой на потоке и даже собиралась участвовать в конкурсе Мисс МИФИ. Благо, что конкуренция в стенах универа за титул «Мисс» была слабой, а Света объективно казалась красавицей, даже без восторженных комментариев Алёны. Поэтому я не понимала, зачем Свете тусить со мной и Петей на общих парах, если ей был рад весь курс. Может, дело в том, что Алёна настойчиво делала за Свету курсачи и рефераты?..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.